

Сергій Пономаренко

ВЕДЬМИНА ОХОТА

Сергей А. Пономаренко
Ведьмина охота
Серия «Ведьма», книга 5

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6982311
Ведьмина охота: роман: Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга»; Харьков; 2013
ISBN 978-966-14-5964-8

Аннотация

Иванну, беглянку из «психушки», подозревают в двойном убийстве. Путешествуя во времени, она становится свидетелем злодеяний «кровавой графини» Батори и Джека-потрошителя. Непрошенные гости из прошлого проникают в современный мир и вынуждают Иванну начать охоту на них...

Содержание

МИФ	5
Ведьмина охота	6
Пролог	6
Часть 1	14
1.1	15
1.2	24
1.3	38
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Сергей Пономаренко
Ведьмина охота
Роман

МИФ **(мистика, история, фантастика)** **от Сергея Пономаренко**

Чуть больше десяти лет назад в СМИ промелькнуло странное сообщение: ученые все-речь обсуждают возможность получения клона графа Влада III Цепеша, властителя Валахии, больше известного как граф Дракула, ставшего с благословения Брэма Стокера кем-то вроде «главного вампира» в массовой культуре. Первая реакция на такую новость – скепсис, более глубокое осмысление сути вопроса заставляет задуматься: кого получают ученые, если все-таки эксперимент удастся?

Ведь сегодня ни для кого не секрет, что между вампиром Дракулой и реальным графом Цепешем огромная разница. Более того, есть немало «адвокатов Дракулы», которые нашли документальное подтверждение тому, что валашский господарь чудовищем не был. Так что разделять в Дракуле историческое лицо и вампира вампиров все-таки нужно и правильно.

Однако в истории жуткого Дракулы привлекает не столько достоверность, сколько тема крови, сопровождающая этот персонаж. Ведь именно с кровью, точнее – с пьянящей жидкостью красного цвета, более конкретно – с вином напрямую связан культ бога Диониса. Напомню: с его именем ассоциируют не только буйство воскресения живой природы, но и погружение в преисподнюю как результат безудержного, всепоглощающего веселья. Таким образом, Дионис, согласно мифологии, связывает загадки прошлого, настоящего и будущего в единую цепь. И превращает процесс в замкнутый цикл. Отсюда – бессмертие упомянутого выше графа Дракулы, которое благодаря «дионисийской» сущности легенды о Великом Вампире все время заставляет искать ответ, кем он был на самом деле и как эта история влияет на следующие поколения.

В «Ведьминой охоте» Сергей Пономаренко затрагивает «вампирскую» тему. Ведь его героиня, уже знакомая читателям по предыдущим романам киевская журналистка и магистр Иванна, должна раскрыть жуткую тайну, как-то связанную с кровавыми злодеяниями легендарной венгерской графини Эржебет Батори, которую современники называют иногда «Дракула в юбке». Любопытно, что Батори печально прославилась через два века после Цепеша-Дракулы. Еще через два века Лондон, а затем и весь мир заговорил – и до сих пор говорит! – о загадочном и жестоком Джеке-потрошителе, убийце с лондонских улиц. Его, кстати, так и не нашли...

Итак, действие «Ведьминой охоты» происходит в современной Украине через полтора века после этого. Со времен одного из своих первых выходов на литературную сцену в книге «Ведьмин пасьянс» Иванна уже перестала искать реальное объяснение ирреальным событиям. Освоив способ путешествия во времени, она вместе с читателями без труда попадает в прошлое. Именно там таятся все разгадки к загадкам настоящего. Именно оттуда темные силы, разбуженные графиней Батори, своеобразной наследницей Дракулы, угрожают будущему. К тому же Иванна, рискуя погибнуть и шаг за шагом приближаясь к истине, спасает и собственную жизнь – ее обвиняют в жестоких убийствах. Автор ставит перед собой поистине «дионисийскую» сверхзадачу: понять, таковы ли легендарные герои прошлого, какими мы привыкли их считать...

Андрей Кокотюха

Ведьмина охота

*Люди безумны, и это столь общее правило, что не быть
безумцем было бы тоже своего рода безумием.*
Блез Паскаль

Пролог

Венгерское королевство, Чахтицкий замок (Чейт), 1611 год

С высоты птичьего полета, на какой находилась башня-донжон, открылся вид на холмистые просторы Малых Карпат, петляющую среди зеленых виноградников и полей кукурузы желтую дорогу, ведущую из замка в деревню. Яркое полуденное солнце застыло в нежно-голубом прозрачном небе, заключив землю в знойные объятия, но даже эти объятия были бессильны перед каменными стенами мрачного замка-крепости, облюбовавшего вершину голого скалистого холма.

Властительница здешних мест, графиня Эржебет Батори, стоя у окна, зябко куталась в меховую накидку. Признанную красавицу при императорском дворе душили гнев, злоба и донимала пульсирующая головная боль. Ее, представительницу славного рода Батори, посмели заточить в собственном замке, посадить под домашний арест! Дочь палатина Венгрии, сестру короля Польши, вдову славного героя, победителя турок Ференца Надашди, прозванного «Черный бей», сделали пленницей! Вот уже шесть дней держали ее под стражей и не давали свободно передвигаться в собственных владениях. Чтобы еще больше унижить и усугубить мучения, держали ее в верхних помещениях башни, не предназначенных для проживания, где не было камина, спать приходилось на жестком топчане, а из-за открытых проемов окон, больше похожих на бойницы, постоянно властвовали сквозняки.

И было бы из-за чего: королевская комиссия нашла в подвале замка мертвые тела трех служанок-простолюдинок, плохо справлявшихся с работой! «Я их госпожа, властительница, и мое право выбирать им меру наказания за их проступки! – возмущалась графиня. – Я Батори, во мне течет королевская кровь, кто может судить меня и указывать, что я должна и что не должна делать?!»

Графиню трясло от бессильной ярости, требовавшей немедленного выхода. Пульсирующая боль изнутри была молоточками в виски, словно в голове зародилась новая жизнь, стремящаяся, разбив скорлупу-череп, выйти наружу. Как славно жилось в весьма недалеком прошлом, когда, стоило ей только позвать Дорко и Йо Илону, как те являлись, зная, что требуется их госпоже и как унять ужасную головную боль, терзающую ее еще со времен девичества. Ведь самый верный способ избавиться от нее, неоднократно проверенный, – это принести еще более мучительную боль другому, точнее другой. Нежные тела девушек корчились от прижигания раскаленной кочергой, или от клещей, вырывающих куски плоти, или от иголок, вонзающихся под ногти. Какое блаженство, когда можно самому сеять мучения! Воспоминания легли бальзамом на душу, помutilи сознание, и Эржебет, забывшись, закричала:

– Эй, прислуга! Дорка! Фиско! Ката! Йо Илона! Где вы, бездельники? Немедленно ко мне!

Никто не отозвался на зов, крики графини становились все более истеричными, затем стали стихать, и она зарыдала, вдруг ощутив себя маленькой беспомощной девочкой, чья жизнь зависит от чужой воли.

Почти сорок лет тому назад десятилетнюю Эржебет, не считаясь с ее желаниями, отвезли в замок Шарвар к матери жениха, ненавистной Оршоли Надашди. Даже теперь ненависть жгла Эржебет изнутри, когда она вспоминала, сколько пришлось претерпеть унижений от этой женщины, воспитывавшей будущую невестку так, как она считала нужным. Долгих три года Эржебет терпела, сломленная и покоренная, пока не удалось отпроситься повидать перед свадьбой мать и братьев. Оказавшись в родном замке, Эржебет заявила матери, что больше не вернется в замок Шарвар, к ужасной Оршоли Надашди, постоянно читающей ей нотации по поводу того, как следует себя вести. Но вдова Анна Батори, ослепленная богатством семейства Надашди, ничего не желала об этом слышать. Именно поэтому произошло постыдное грехопадение Эржебет с сыном мелкопоместного дворянчика Иштваном Радо, который был старше ее всего на два года.

Эржебет попыталась восстановить в памяти внешность соблазнителя, но не смогла. Единственное, что помнилось: тот был долговяз, неуклюж и, лишая девственности, не принес ей удовольствия, лишь боль. Эржебет надеялась, что грехопадение позволит ей остаться в родном замке, а Иштван будет супругом ничем не хуже Ференца Надашди, которого она до сих пор в глаза не видела. Девушка не могла набраться храбрости во всем признаться матери, пока не стало ясно, что она беременна. Как раз подошло время возвращаться в замок жениха, где уже готовились к свадьбе.

Такой разъяренной Эржебет никогда еще не видела маму и многократно пожалела о своем проступке. Теперь ее единственным желанием было скрыться с глаз матери. Анна Батори понимала, что, сколько не рви на голове волосы и не ругай дочь, положение не изменишь. Нечего было и думать, что богатые и гордые Надашди примут в свою семью опозоренную Эржебет, и у той после рождения ребенка был только один путь – уйти в монахини. Но и это не поправит ситуацию, и позор Эржебет падет на всю семью Батори! От них отвернутся родственники, и братья распутницы не смогут рассчитывать на высокие должности при королевском дворе. Эржебет, осознав всю тяжесть содеянного, запертая в своей комнате, непрерывно рыдая и молясь, мечтала лишь о смерти. Именно с той поры головная боль, лишь изредка ее посещавшая, стала невыносимой, словно это была кара за ее грехопадение.

Вначале Анна собралась было созвать близких родственников на большой семейный совет, выслушать их мнение о том, как поступить, но передумала и решила сохранить тайну. Чтобы избежать позора, она прибегла к крайнему средству – обратилась к колдунье Дарвуле, жившей в лесу. Уродливая колдунья выслушала просьбу княгини Анны: освободить от презренного плода чрево Эржебет и колдовскими средствами вернуть той девственность.

– Не сможешь – и тебе не миновать встречи со святой инквизицией, – пригрозила в заключение графиня и с надеждой посмотрела на грязную старуху.

Та, уставившись в пол, стала раскачиваться, ее губы что-то беззвучно шептали.

«Ой, не поможет колдунья, не избежать позора!» – Сердце Анны тоскливо сжалось.

Неожиданно колдунья заунывно и едва разборчиво произнесла:

Входит в сердце тоски клинок,
Лучше дни коротать в разлуке,
Лишь бы не было этой муки.
Может, жизнь проведя отдельно,
Не страдали б сейчас смертельно.

– Что ты этим хочешь сказать? – нахмурилась Анна. «Колдунье оказали честь, а она говорит загадками!»

– Не жаль тебе будет золота, госпожа? Моя помощь стоит дорого – сто золотых полновесных монет, – усмехнулась колдунья, сморщив и без того морщинистое, отвратительное лицо с бородавками, поросшими длинными редкими седыми волосками.

– Сделаешь, что требуется, – получишь золото.

– Если молодая графиня будет следовать моим советам, то все будет так, как пожелает госпожа графиня.

– Она будет тебе послушна, но помни: твоя жизнь в моих руках, как долго ты проживешь, зависит от твоих стараний!

С колдуньи днем и ночью не спускали глаз приставленные к ней гайдуки, чтобы та не вздумала бежать. Но, несмотря на предпринимаемые усилия, плод преступной любви никак не хотел покидать тело юной графини. Вновь Дарвуля предстала перед графиней Батори.

– Госпожа Анна, я не хочу применять более сильные средства, так как это может повредить здоровью вашей дочери и лишит ее способности рожать.

– Проклятая колдунья, ты обманула меня! Тебе это так просто не сойдет с рук! Вначале ты отправишься в подвал к крысам, а потом я тебя отдам в руки инквизиции! С улыбкой буду наблюдать за тем, как ты корчишься в пламени костра!

– Госпожа Анна, моя смерть недолго будет тешить вас, а вам все равно не избежать позора. Прошу вначале выслушать меня и лишь затем принимать решение.

– Говори, колдунья!

– Госпожа Анна, отправьте вашу дочь в один из ваших дальних замков, а семье жениха сообщите, что она серьезно больна и требуется время для ее излечения.

– Ты думаешь, что Надашди поверят и не захотят провести Эржебет, чтобы выяснить правду? Да ты, колдунья, просто безумная!

– Я знаю, что говорю, госпожа. Как требуется поступить, когда «черная смерть» начинает свою ужасную жатву?

– Безумная, ты хочешь напустить на нас чуму?!

– Чумы не будет, но несколько человек из селений, которые находятся рядом с замком, заболеют и умрут. Этого будет достаточно, чтобы, выполняя королевский указ, гайдуки перекрыли все ведущие сюда дороги и никого не выпускали и не впускали, предотвращая тем самым распространение чумы. Захочет ли графиня Надашди увидеть невестку, приехавшую из чумного края? Вы сообщите ей о постигшем ваши владения несчастье и о том, что отослали дочь в дальний замок, чтобы уберечь ее от напасти.

– Хорошо, я послушаюсь твоего совета. Надеюсь, что первыми, кого поразит «черная смерть», станет презренное семейство Радо.

– Как будет графине угодно.

Все получилось так, как предсказала колдунья, и по истечении семи месяцев Эржебет разродилась девочкой. Эпидемия чумы в окрестностях замка Эржед прекратилась так же внезапно, как и началась. Окрепнув, Эржебет отправилась в замок Шарвар и по совету Дарвули взяла с собой в качестве прислужницы Эжли Майорову, свою ровесницу. На свадьбе во Вранове Эжли прислуживала молодым и, перед тем как они отправились в опочивальню, поднесла супругу кубок с вином, куда было добавлено снадобье колдуньи. Через некоторое время Эжли зашла в комнату молодых. Ференц был в полубессознательном состоянии; наполовину раздетый, он лежал поперек кровати. Увидев служанку, Эржебет поднялась с постели, и Эжли, заняв ее место, стала услаждать ничего не соображающего Ференца. Утром простыни с кровати новобрачных были предоставлены родителям жениха, и те убедились, что невеста была девственницей, а ходившие слухи – одни выдумки. Через

некоторое время Эжсли Майорова отправилась с поручением в замок Эржед, где стала ученицей колдуньи Дарвули...

Появившийся на дороге отряд всадников, сопровождавший две кареты, прервал воспоминания графини. Хотя они были довольно далеко, Батори не сомневалась, что это спешит в замок Дьердь Турзо, ее бывший любовник, а ныне палатин Венгрии, от решения которого зависит ее дальнейшая судьба. Вскоре она смогла различить голубую форму гайдуков, что подтвердило ее догадку.

Глядя на приближающуюся к замку кавалькаду, графиня громко и зло произнесла магическое заклятие, которому ее научила колдунья Эжсли Майорова, наследница Дарвули:

– Ты, Маленькое Облако, защити Эржебет, ибо она в опасности... Пошли своих девяносто котов, пусть они поспешат и прокусят сердце короля Матьяша, а также Мозеша Чираки, верховного судьи, и моего кузена Турзо, пфальцграфа; пусть они разорвут на части сердце Меджери Красного!

Графиня заглянула в огромное, в человеческий рост, зеркало, с удовольствием рассмотрела свое отражение. Светлые, тщательно уложенные волосы, прекрасное лицо с большими темными глазами, белоснежной свежей кожей, длинная лебединая шея. Жаль, что великолепное, сводящее с ума мужчин холеное тело, не хуже, чем у Венеры, скрывает одежда. В свои пятьдесят лет она выглядела максимум на тридцать. Неужели ее неувядающая красота, символизирующая победу над временем, не стоит затраченных усилий и жизней простолудинок?

Сев в свое любимое деревянное резное кресло – только его разрешили перенести сюда по ее просьбе, – она приготовилась к встрече, уставилась горящим взглядом в дверной проем. Ей не пришлось долго ожидать: заскрежетал ключ в замочной скважине и появился кастелян замка в сопровождении двух гайдуков в голубой форме.

– Госпожа графиня, прошу следовать за мной! Господин палатин, пфальцграф Турзо ожидают вас в большой гостиной, – промолвил кастелян, избегая ее взгляда.

Он боялся ее, как и остальные обитатели замка. Страх в его глазах ободрил графиню, она поднялась с кресла, надменно кивнув, сбросила с плеч на пол меховую накидку и не спеша проследовала к выходу, показывая, что пленница она лишь временно и по-прежнему властительница этих мест.

«Презренный предатель Турзо, неверный любовник! Ты кормился с моих рук, но, как только надо мной сгустились тучи, покинул меня, посмел свидетельствовать о том, что выше твоего понимания. Когда я вновь обрету власть, вырву твой язык, а в горло залью расплавленный свинец! Тело скормлю свиньям, оно недостойно лежать в земле!»

Выйдя из башни, графиня пересекла непривычно пустынный двор, направляясь во дворец. Пройдя через анфилады богато украшенных комнат, она гордо, царственной походкой вошла в большой зал. Одного взгляда ей было достаточно, чтобы понять, что здесь все подготовлено для судилища. В центре стоял стол, покрытый бордовой бархатной скатертью, за ним сидели четверо: палатин Дьердь Турзо Бетлемфалви, пастор из Биче Гашпар Наги и двое незнакомцев, один из которых был в судейской мантии, а другой – в черном строге костюме судебного исполнителя. Поодаль стояли еще несколько человек, в числе которых были Миклош Зрини, муж ее дочери Анны, и ненавистный рыжеволосый граф Эмерик Меджери, наставник ее сына Пала. Для нее в зале не оказалось даже стула, и она была вынуждена стоять перед сидящими мужчинами, каждый из которых еще недавно был бы рад всего лишь поймать ее благосклонный взгляд. Мужчина в судейской мантии развернул свиток и стал громко читать:

– «Мы собрались здесь по приказанию палатина, пфальцграфа Турзо Бетлемфалви, главы суда Дравы, и действуем от имени его величества короля Матьяша. Секретарь Георгий Жадовский провел расследование дела Яна Уйвари Фицко, Йо Илоны, Доры Центес и

Каталины Бенизки, чья вина была доказана, и они понесли должное наказание. На допросах они признали, что пытали и умерщвляли девушек как простого, так и дворянского происхождения по велению своей госпожи, графини Эржебет Надашди, урожденной Батори, и у нее на глазах.

Его величество по воле Бога избрал пфальцграфа Дьердя Турзо для защиты добра от зла. Поэтому пфальцграф в интересах общества собрал суд и приказал учинить расследование с тем, чтобы получить доказательства вины Эржебет Батори, вдовы уважаемого графа Ференца Надашди.

На протяжении шести дней велось судебное разбирательство при участии двадцати судей и тридцати свидетелей, и в полной мере доказана вина Эржебет Батори в умерщвлении лично ею или ее слугами шестисот десяти девушек.

– Они чернь, а я – Батори! – гордо произнесла графиня, прервав судью. – Как смеешь ты судить меня, в чьих жилах течет кровь шести королей?! Меня, чей род берет свое начало от королей даков?!

Ее огненный взгляд, казалось, испепелял судью, который смешался, не зная, как поступить. Даже в гневе графиня была прекрасна и обольстительна. И не один из присутствующих здесь мужчин подумал: «Как может столь прекрасное создание быть причастно к таким ужасным преступлениям?» Но тут поднялся палатин Турзо и грозно произнес:

– Эржебет, ты дикое животное! Твои дни сочтены, ибо ты не достойна дышать земным воздухом и жить под светом Бога. Ты больше не принадлежишь к человеческому роду. Ты должна исчезнуть с лица земли. Тени будут окружать тебя остаток твоей жизни, принуждая каяться в зверских преступлениях. Может, Бог и простит тебя. Госпожа Чейта, я приговариваю тебя к вечному заключению в собственном замке! Со мной королевский судья Теодос Сирмиенсис, и теперь мое решение имеет силу постановления суда!

Сидевший рядом с Турзо мужчина в судейской мантии и парике согласно кивнул.

– Слишком мягкое наказание для этого чудовища! – гневно воскликнул граф Меджери. – Она достойна смерти на костре, как и ее прислужники! Они, уже пройдя через огонь земной, жарятся на сковородках в аду!

– Приговор вынесен и немедленно вступает в силу! – произнес Турзо, окинув недовольным взглядом Меджери, который и не думал отступать.

– Мне известно, что его величество король Матьяш осудил на смерть это чудовище!

– Сегодня утром из Праги пришло послание его величества, в котором он наделяет господина пфальцграфа Турзо полномочиями определить вид наказания виновной графине Батори. Оно находится у меня, и вы можете с ним ознакомиться. – Судья указал на пергаментный свиток, лежащий на столе.

– И я это сделаю, господин королевский судья. – Граф Меджери взял свиток и внимательно прочитал послание, недовольно хмурясь. – Двадцать пять девушек из благородных дворянских семей умерщвлены в этом замке, а здесь сказано, что в связи с тем, что это чудовище не было причастно к их смертям, возможно послабление наказания!

Тут взгляды Меджери и Турзо скрестились, и последний твердо произнес:

– Приговор уже вынесен, и его в силе изменить лишь его величество король Матьяш.

– Судебный исполнитель господин Кардаш, приступите к исполнению приговора! – приказал судья.

Графиню на время отвели в другую комнату, где ее вскоре навещил взволнованный Миклош Зрини.

– За то, что вам дарована жизнь, вы должны благодарить маркграфа Турзо. Первоначальный королевский вердикт был «незамедлительно казнить». Маркграф с трудом убедил короля даровать вам жизнь в вечном заточении и не конфисковывать имущества.

– Я не нуждаюсь ни в чьем снисхождении и вины за собой не признаю!

– То, что вы совершали, чудовищно! – не выдержал Миклош. – Мне довелось увидеть собственными глазами замученных девушек. Это ужасно!

– Ужаснее, чем осудить меня?

– Что вы желаете передать вашей дочери?

– Со мной поступили несправедливо! И воздастся всем, кто был к этому причастен! Не только им, но и их потомкам! Уходите!

В четырех углах замка плотниками были установлены деревянные виселицы, указывающие на то, что здесь находится приговоренный к смерти. Графиню вновь отвели в ту самую комнату в башне, где она находилась под домашним арестом, но теперь помещение преобразилось. Окно оказалось заложено камнями, а чтобы разогнать темноту, тут горело множество свечей, как у постели усопшего. Уже начала расти толстая кирпичная перегородка, отделившая небольшую каморку, где едва помещался топчан. Графиню вынудили зайти в эту тесную комнатушку, и перед ней стала все выше подниматься стена, но Эржебет сохраняла спокойствие и презрительно смотрела на присутствующих, присев на краешек топчана. Действия каменщиков, постное лицо судебного исполнителя казались ей дурным сном, и она все ожидала, что вот-вот проснется. Стена достигла потолка, и графиня оказалась в непроглядной тьме и пугающей тишине. Каменщики оставили лишь небольшое отверстие, через которое ей будут передавать скудную пищу и воду.

Графиня опустила на колени, ощутив мертвенный холод каменного пола, и стала молиться. Она молилась долго, громким голосом пыталась прогнать тишину, но та все же победила.

«Неужели больше не доведется увидеть свое отражение в зеркале? Увидеть дневной свет, солнце, луну? Скакать по охотничьим угольям? Моя судьба – быть навечно замурованной? За что?»

– Будьте вы все прокляты! Я вскоре вернусь, и моя месть будет ужасной! Не я, так моя кровь принесет вам гибель!

Перед тем как усесться в карету, пфальцграф Турзо оглянулся на башню, где была заживо замурована графиня, и негромко произнес:

– Ее величайшим грехом было то, что она хотела навеки сохранить молодость! – И он перекрестился.

А вскоре в окрестностях замка поселилось Зло. Первый раз оно заявило о себе через месяц после заточения графини: пропала девушка Аника, ранее чудом бежавшая из замка и свидетельствующая на процессе. Ее нашли через три дня в лесу: обнаженная, она была обмазана медом и привязана к дереву возле муравейника. На ее застывшем лице отразились ужасные предсмертные муки. Это была любимая казнь графини, и по окрестным селам поползли слухи, что Батори посредством колдовства или верных слуг ночами покидает место заточения и продолжает свое черное дело. Точно при таких же обстоятельствах была найдена вторая жертва – девушка, тоже выступившая свидетельницей на процессе над графиней. Пфальцграфу Турзо пришлось разрешить впустить в замок делегацию сельских старост и их помощников, чтобы они могли убедиться в надежности темницы Эржебет. Это мало помогло, так как, услышав их голоса, графиня дико расхохоталась и пообещала расправиться со всеми, кто имел хоть малейшее отношение к ее заточению. Один за другим сгинули каменщики, замуровавшие Батори, – их нашли посаженными на колья.

Поговаривали, что ей помогает мстить кровожадный дух дальнего родственника из Валахии, князя Владислава Цепеша. Люди, имевшие хоть какое-то отношение к судилищу над графиней, стали бежать из тех мест, но ужасная кара настигала их повсюду. Тогда палатин Турзо назначил расследование. В мстительность духов он не верил и велел искать тайных пособников графини.

Тем временем многих потрясла загадочная смерть судебного исполнителя Гашпара Кардоша и королевского судьи Теодоса Сирмиенсиса.

Палатин Турзо вновь посетил замок, лично убедился в том, что графиня пребывает в замурованном помещении, и пообщался с узницей через небольшое отверстие, служившее для передачи ей пищи и воды. При этом он держал у носа надушенный платок, так как смрад, проникавший через отверстие из камеры, был невыносим. Турзо просил графиню назвать имена сообщников, пообещав взамен добиться от короля ее помилования. Особенно его интересовало, кто та дама в маске, которая неоднократно приезжала к графине и принимала деятельное участие в кровавых забавах. Но графиня дерзко ему ответила, что не нуждается ни в чьей милости и не сомневается, что силы Тьмы, будучи на ее стороне, помогут ей выйти из темницы. Графиня также пообещала, что кара настигнет и самого Турзо, и даже короля Матьяша.

Турзо удвоил охрану замка, назначил кастиеляном верного ему человека, и вскоре энергичная графиня внезапно скончалась, пробыв в заточении неполных четыре года. Страх перед графинею был так велик, что кастиелян разрешил тайно провести ритуал, лишаящий вампира силы, – ей пробили сердце осиновым колом, вспороли живот и заполнили его головками чеснока. Единственное, что не выполнили из ритуального обряда, – не отрубили ей голову. Облачив в нарядные одежды, графиню похоронили у стен замка, рядом с местом захоронения тел ее жертв. Как ни удивительно, после похорон графини прекратились ужасные смерти в близлежащих селениях.

Однако пфальцграф Турзо чувствовал себя крайне неудобно: ночами ему снилась графиня, грозящая страшными карами. Он переехал в свой замок Льетавский Град у Жилины, где практически пребывал в добровольном заточении, страшаясь исподтишка подкрадывающейся смерти. Турзо даже перестал выезжать на охоту, так любимую им ранее.

Осень 1616 года была необычайно теплой и сухой, словно лето решило длиться бесконечно. Домочадцы и слуги заметили резкую перемену в поведении графа: он вновь стал энергичным, деятельным, как прежде, и у них появилась надежда, что он прервет свое добровольное затворничество. Было ясно, что он ожидает каких-то важных новостей, должных сыграть важную роль в его жизни. Строились различные предположения, вплоть до того, что император Матьяш хочет удостоить его более высокой должности. К Турзо то и дело прибывали гонцы, а вино имеет свойство развязывать языки, и стало известно, что настрой графа каким-то образом связан с событиями, происходящими на окраине королевства, в Ужацком жупе. Там шла борьба между двумя представителями старинного рода Другетов за обладание небольшим замком. События эти были незначительными и будничными – подобное постоянно происходило в королевстве, так что было весьма странным то, что эти события могли так повлиять на графа. По мере того как погода портилась, становилась по-настоящему осенней, изменялось в худшую сторону настроение Турзо, хотя от тех же словоохотливых гонцов было известно, что в Ужацкой долине все разрешилось так, как было ему угодно.

В начале зимы в Льетавский Град вновь прибыл посланец с известиями от ужацкого жупана. Граф, с хмурым видом сидевший в кресле у камина, прервал на середине доклад долгоязого русина в кафтане о положении дел в комитате.

– Ведьму поймали?!

– К сожалению, господин палатин, ведьма исчезла бесследно. Но ни один человек из почта Балинта Другета не смог безнаказанно покинуть Невицкий замок. Господин жупан объявил за ее поимку крупное вознаграждение золотом, да и население жупа ее просто ненавидит, все горят желанием отомстить ей за причиненные ею беды. Ведьма словно под землю провалилась, видимо, в ад, к своему повелителю Вельзевулу.

– Продолжайте искать! Она хитрая бестия, возможно, прячется в тайном убежище в самом замке! – грозно приказал Турзо.

– Замок обыскивали неоднократно, она не смогла бы столько времени продержаться без воды и пищи, даже если там затаилась, – осмелился сказать посланец, размышляя: «Рассказать или нет о том, что удалось узнать под пытками у служанки ведьмы? А что, если это вызовет еще больший гнев палатина?» Лицо Турзо побагровело, глаза метали молнии. Он поднялся с кресла и, тяжело дыша, произнес:

– Передай жупану мой приказ: живую или мертвую, ведьму сыскать и предать огню! И я желаю присутствовать при казни!

– Слушаюсь, господин палатин, немедленно отправляюсь в обратный путь и передам ваш приказ господину жупану. – Посланец согнулся чуть ли не пополам и пятился до самой двери.

Самочувствие Турзо резко ухудшилось, он слег. Был вызван лекарь, пустивший пфальцграфу кровь, что принесло тому некоторое облегчение. Но к вечеру Турзо вновь охватила тревога, не оставлявшая его долгое время. Ведь то, что ведьма до сих пор не поймана, могло означать лишь одно: она где-то рядом, и это грозит ему ужасной смертью. Уже давно он не спал в темноте, десятки горящих свечей боролись с мраком ночи и страхом, годами сжигающим его изнутри.

– Где ты, ведьма? Покажись! Я устал ожидать встречи с тобой! – прокричал он. – Тебе нужен покров тьмы, чтобы приблизиться ко мне?

Турзо метался по комнате, задувая свечи, пока мрак не стал полным. Лишь в окно насмешливо смотрела серебристая луна.

– Я тебя не боюсь, ведьма! Ты слышишь?! Я жду тебя! – выкрикнул Турзо.

Крепко сжимая в руке кинжал, он стал напротив окна.

Следующим утром пфальцграфа Турзо, всесильного палатина Венгерского королевства, обнаружили на полу его комнаты мертвым; лицо было искажено гримасой ужаса, рядом валялся кинжал. Лекарь определил, что причиной смерти стал избыток дурной крови, приведший к параличу мозга и остановке сердца. Но в замке прошел слух, что настоящей причиной смерти палатина был суккуб, в которого обратилась ведьма – графиня Батори, исполнившая клятву отомстить ему.

Часть 1 Бегство

1.1

Над головой угрожающе нависло черное небесное покрывало, на котором тускло, будто сквозь туман, поблескивают звезды. С давних времен новолуние пугало человека, считается, что оно позволяет темным силам безраздельно властвовать на земле и люди не должны в эту пору отправляться в дорогу. Почему же я, зная о зловещей власти новолуния, не удержала Соню от рискованного ночного похода? Погубила ее и себя.

Наугад бреду во мраке ночи по бесконечному пшеничному полю. Словно корабль-первопроходец, с трудом пробиваю дорогу в золотистом море. Пшеничные колоски, сопротивляясь, с тихим шелестом умирают под ногами, постепенно отнимая у меня силу и надежду. Нервно срываю колосок и пробую зерна на вкус. Они тверды, безвкусны, и я сразу выплевываю их. Стоит звенящая тишина, лишь изредка нарушаемая стрекотом влюбленных кузнечиков.

Погони не слышно, но это не успокаивает, и я по-прежнему ощущаю спиной дыхание Смерти. Если я сбилась с выбранного направления, то, когда наступит рассвет, это обернется гибельными последствиями. Необходимо как можно скорее уйти подальше отсюда. Не знаю, как мне это удастся без денег, без документов, со статусом беглянки-убийцы из психушки.

До сих пор в ушах звучит последний отчаянный крик Сони, перед глазами всплывает ее тело в белом халате, лежащее бесформенной кучей перед дверью черного хода корпуса психиатрической больницы. Бедная Соня! Ей оставалось пробежать чуть-чуть до спасительной двери, а я ничем не смогла ей помочь.

Недавние события будоражат кровь, до предела насыщая ее адреналином. Я вспоминаю искривленное лицо возбужденной Магды, ночной поход в морг-часовню, выпотрошенное тело Любы на секционном столе, сизые органы, плавающие в полиэтиленовых боксах, заполненных физраствором. Мерзкий холодок отвращения и страха бежит по спине.

Феликс Маркович и его таинственный сообщник сделают все, чтобы представить меня убийцей Сони. Что бы я ни говорила, в милиции меня сочтут агрессивной психически больной, находящейся во власти извращенного воображения. Что значит моя правда в сравнении с утверждениями врача? Кому поверят?

Не исключено, что, прежде чем попасть на допрос к следователю, я вновь окажусь в психушке и Феликс Маркович сделает меня по-настоящему невменяемой. Но, скорее всего, от меня, как от ненужного свидетеля, постараются избавиться. Это надежнее. В равной мере это устроит как убийц Сони, так и следственные органы, которые без проблем смогут закрыть уголовное дело, навесив на меня ярлык убийцы.

Необходимо уехать отсюда, отыскать место, где можно будет отсидеться какое-то время и попытаться найти выход из сложившейся ситуации.

Что-то музыкально пискнуло, и я от неожиданности вздрогнула. Нашупываю в кармане спортивных брюк мобильный телефон Сони. Его взяла, когда мы находились возле морга. Видимо, когда началась вся эта кутерьма, я машинально оставила телефон у себя.

«Теперь я могу позвонить Марте и попросить у нее помощи!» Но радость оказалась преждевременной – экран мобильного телефона, засветившись, погас окончательно – аккумулятор разрядился. Не везет, так не везет! Хотя то, что я до сих пор жива, доказывает обратное.

Сквозь подошвы легких комнатных тапочек болезненно ощущаю неровности почвы; болят стертые колени. Тело за время пребывания в больнице отвыкло от физических нагрузок, и на меня навалилась усталость, но времени на отдых нет.

Возможно, убийцы, чтобы снять с себя подозрения, уже сообщили в милицию о моем бегстве и свалили убийство медсестры на меня. У них было достаточно времени, чтобы замести следы в морге и разыграть представление по своему сценарию.

Недалеко слышится рев мотора автомобиля, резко нарушающий тишину. Он звучит для меня приятной музыкой. Забыв об усталости, я ускоряю шаг. Вскоре пшеничное поле заканчивается, за ним – широкая лесополоса из старых деревьев, за которой виднеется шоссе. Оно пустынно, лишь вдали гаснут красные точки габаритных огней удаляющегося автомобиля. Если мои расчеты оказались правильными, я вышла к шоссе значительно восточнее поселка.

С замирающим сердцем ступаю на обочину. Чувствую себя абсолютно незащищенной и очень уязвимой. Решаю ехать к друзьям в Киев, но до него более шестисот километров. Судьба явно насмехается надо мной – с моим появлением движение на шоссе замерло. Время работает против меня, я физически ощущаю, как тают секунды. Наконец появляются огни приближающегося автомобиля, двигающегося в противоположном от нужного мне направлении. Но я должна уехать подальше отсюда – куда угодно, хоть к черту на рога! Энергично машу рукой: «Стой!»

Взвизгнув тормозами, останавливается длинная фура. Не веря своему счастью, перебегаю дорогу и направляюсь к кабине. Высокая ступенька подножки, в открытом окне виден круглолицый лысый водитель лет пятидесяти. Он улыбается мне и приветственно машет рукой:

– Залезай!

Не заставляю себя ждать, мгновенно забираюсь в кабину и устраиваюсь на «штурманском» сиденье. Фура трогается, водитель молча жует резинку, искоса поглядывая на меня.

– У меня нет денег, – честно признаюсь я.

Водитель неожиданно начинает хохотать как безумный. Повернувшись лицом ко мне, сквозь смех он едва выдавливает из себя:

– Слышь, Гриша!.. Теперь что, плечевые за свою работу уже доплачивают? Ты такое слышал?!

За спиной раздается грубый мужской голос, и я вздрагиваю: в спальном отсеке, вроде полки в плацкартном вагоне, отдыхает напарник водителя.

– Обычно они только торгуются. Слышь, соска, какие у тебя тарифы?

– Вы меня неправильно поняли, я не дорожная проститутка. Так получилось, что оказалась здесь без денег. Если вы мне поможете...

– Ха-ха-ха! – вновь оглушительно хохочет лысый. – Порядочную из себя строишь? Ты хоть знаешь, какой у тебя видос?

Опускаю взгляд на пузырящиеся на коленях, с черными пятнами от земли спортивные штаны. Вид у меня совсем не такой, как у леди.

– Позвольте узнать, ваша девственность, куда изволите направляться? – ехидно интересуется невидимый мне Гриша.

«Хотела бы я тоже это знать!»

– В Киев, – необдуманно брякаю я. – А вы куда едете?

– Ха-ха-ха! Так тебе в противоположную сторону. Судя по всему, тебе все равно куда ехать, и не надо нам лапшу на уши вешать! Найдем укромное местечко, ты нас обслужишь, и дальше поедем. – Лысый слащаво улыбается.

За окошком автомобиля проплывают дома поселка Копырныця. Проезжаем автобусную остановку. Здесь мне ни в коем случае нельзя выходить, иначе я пропала.

– Чего замолкла? Как тебе предстоящее мероприятие? – Лысый пытается положить руку мне на коленку, но я успеваю отодвинуться к двери, так что ему достать меня проблематично.

– Особенно не радуется, – дипломатично отвечаю я, горя желанием поскорее проехать поселок. Проблемы буду решать по мере их поступления. Интересно: – Какой ближайший по пути город?

– Стрый. До него пара десятков километров.

– Была бы вам признательна, если бы вы довезли меня туда. – Не знаю, что буду делать в незнакомом городе без денег. Разве что пополню ряды бомжей и буду копать в мусорных баках. Бр-р! Перспектива!

– Гриша! Путешествующая сеньора согласилась подарить нам несколько минут блаженства, – не унимается лысый, видимо этим заводя себя.

– Кто бы в этом сомневался!

С облегчением вздыхаю, когда поселок остается позади. Лысый водитель то и дело говорит всякие пошлости, ему вторит со спального места невидимый Гриша. В основном я отмалчиваюсь: моя цель – уехать куда подальше. Вдруг фура начинает потихоньку сбавлять ход.

– Мы немного отдохнем, и ты нас уважишь, норовливая кобылка! – многозначительно говорит лысый, глядит сальными глазками и снова пытается положить руку на коленку.

Мне уже некуда отодвигаться, разве что выпрыгнуть на ходу. С трудом поборов это искушение, спокойно ставлю их в известность:

– Как хотите, только предупреждаю: у меня сифилис. Кто желает первым получить «букетик» и талончик к венерологу?

Рука лысого мгновенно возвращается на руль, и он орет на меня, притормаживая:

– Пошла вон, сифилитичка! Сразу надо было говорить! Испарись, а то накостыляю!

– Санек, а она не брешет? – сомневается Гриша.

Лысый, обернувшись к товарищу, с яростью говорит:

– Хочешь проверить?! Валяй!

С быстротой молнии я покидаю кабину автомобиля, рядом довольно густая посадка, а может, лес. Если Гриша вопреки доводам разума полезет ко мне, то без труда там укроюсь. Но фура трогается, и из окошка несется многоэтажный мат.

Оглядываюсь, нигде не видно признаков жилья. Безлюдье радует, но сомневаюсь, что смогу вести тут жизнь Маугли или Тарзана. Надо добраться до города, мне кажется, что там будет проще укрыться. Безденежье тащит за собой вагон проблем, хоть и в самом деле становись проституткой. Такое решение меня не устраивает, я не ищу сомнительных путей.

Вновь голосую на трассе, но при виде грузовика прячусь за деревьями. Время от времени проносятся легковые автомобили, но они меня игнорируют. В западных странах среди молодежи очень распространены путешествия автостопом, попробовали бы они у нас так поездить! Чем дольше стою, тем больше нервничаю.

Небо светлеет, скоро рассветет, и я паникую: в любой момент может показаться милицейский патрульный автомобиль, и на этом мое путешествие закончится. Всерьез раздумываю: может, стоит укрыться в лесных зарослях, дождаться темноты и уже тогда продолжить путь? Ну, поголодаю немного. Эта мысль сразу отзывается урчанием в желудке: безумно хочется есть!

При появлении очередного автомобиля машу рукой без особой надежды, но он останавливается. За рулем мужчина лет сорока, с короткой стрижкой «ежик», рядом с ним – веснушчатая молодая женщина в легком открытом платице, а на заднем сиденье – вихрастый мальчик лет десяти. Водитель выходит из кабины, что-то говорит, чудовищно коверкая русские слова, но смысл сказанного до меня не доходит. Иностранцы?

Пулеметной дробью выдаю:

– Do you speak English? Habla usted espanol? Parli italiano?

На ломаном английском водитель сообщает, что едет с семьей в Чоп и хочет уточнить: не сбился ли он с пути, ведет ли эта дорога на Ужацкий перевал? И как далеко до границы? Не имею ни малейшего представления, где этот перевал, но, вспомнив слова водителя грузовика, уверенно сообщаю, что впереди Стрый, а уж там ему скажут, как проехать к нужному перевалу.

– Стрый? Не может быть! – Водитель явно расстроился, видимо он все-таки заехал не туда, куда предполагал.

– Прошу подвезти меня до Стрия, – мол, попала в крайне бедственное положение.

Окинув меня жалостливым взглядом, он интересуется, что со мной произошло. Бойко поясняя: проблемы возникли из-за собственной глупости. Если он будет так любезен и выведет меня из этого безлюдного места, то по дороге расскажу свою историю.

Водитель перебрасывается несколькими фразами со своей спутницей, та с подозрением на меня смотрит и даже пробует поговорить со мной на испанском. Непринужденно бросив в ответ несколько фраз, я показываю свое превосходство в знании испанского, и она сдается. Я устраиваюсь на заднем сиденье рядом с мальчиком, который смотрит на меня исподлобья. И все же знание языков явно помогло сгладить впечатление от моего неприглядного вида.

Как только автомобиль трогается, я ощущаю умиротворение, словно мои мытарства закончились и впереди только спокойствие и благодать. На самом деле это лишь короткая передышка, а впереди – пугающая неизвестность. Водитель внешне спокоен и улыбается, зато его спутница напряжена и продолжает смотреть на меня с опаской. Если буду молчать как рыба, поездка для меня будет недолгой, надо обязательно завоевать расположение женщины. К сожалению, ее испанский лишь в зачаточном состоянии, поэтому придется общаться через водителя на английском.

– Меня зовут Мария, – называюсь именем мамы. – Я вам очень благодарна, что не оставили меня на трассе.

– Это было бы крайне неправильно, всегда надо протянуть руку нуждающемуся в помощи, – вновь улыбается водитель. – Я – Андраш, мою жену зовут Ханна, а сына – Габор. Мы возвращаемся в Венгрию после отдыха в Крыму и, видимо, попали не на ту дорогу при выезде из Львова. Если впереди Стрый, то мы возвращаемся тем же путем, которым приехали на Украину, – через Верецкий перевал переждем Карпаты, затем Мукачево, Ужгород и Чоп.

– Можно воспользоваться? – указываю на сложенную карту.

– Прошу, смотрите, – кивает Андраш.

Карта на венгерском языке, но я в ней быстро разобралась. Название Мукачево зародило во мне надежду, и в голове возник новый план. Зачем мне Стрый? В этом городе я никого не знаю, и оттуда добраться до Киева будет архисложно, разве только тайком на товарняке. В Мукачево живет моя близкая подруга по университету Соломия, на ее помощь я могу рассчитывать. Надо будет убедить супружескую парочку довезти меня туда. Для этого необходимо вызвать у них интерес и сочувствие ко мне.

– Я журналистка, в газете веду раздел о непознанном, в общем, мистика, НЛО, тайны прошлого.

– Журналистка? Мистическая газета? О, класс! Я и Ханна работаем учителями в гимназии и любим всякие тайны. В прошлом году мы посетили Сигишоара, родину Влада Цепеша. Были в его замке.

– В то, что со мной тут произошло, мне самой не верится. – Я для достоверности говорю с соответствующей интонацией и трагическим выражением лица. – Я с моим молодым человеком приехала во Львов...

– С бой-френдом? – уточняет Андраш.

– Скорее женихом. Мы подали заявление в загс и собирались в следующем месяце пожениться. Я приехала во Львов по заданию редакции для проверки информации о блуждающих могилах.

– Блуждающие могилы?! Что это такое? – Андраш тут же переводит мои пояснения на венгерский для Ханны и сына, и те смотрят на меня затаив дыхание.

«Бог его знает, что это такое», – чуть не вырывается у меня, но раз назвалась груздем, то сковородки не миновать. Когда я работала в «желтой» газете, информацию о блуждающих могилах главный редактор отказался печатать, посчитав ее уж слишком надуманной. Напрягаю фантазию.

– Механизм этого феномена пока не ясен. Известны факты, когда могила непонятным образом вдруг перемещалась на большие расстояния. – Фантазирую, как могу. – В газету поступила информация, что на Лычаковском кладбище обнаружилась могила профессора Киевского университета Ярослава Пшеслинского, похороненного в конце XIX века в Киеве. Мне удалось узнать у краеведа киевского некрополя, что такой профессор и в самом деле был похоронен на Байковом кладбище. Когда краевед провел меня к могиле, ее не оказалось на месте, хотя у него даже имелась ее фотография, которую он сам сделал.

– Старая могила, может, поверх нее произвели другое захоронение? – предполагает Андраш. – Или ваш специалист запомнил, где то место.

– На той могиле был памятник: ангел с отбитым крылом. Появившаяся на его месте могила тоже старинная, приблизительно того же времени, с мощным католическим крестом из серого камня и надписью на латыни. Ее этот специалист никогда не видел, хотя знает там все могилы как свои пять пальцев.

Ханна, явно заинтересовавшись этой историей, о чем-то спросила по-венгерски, и Андраш перевел:

– На кладбище во Львове вам удалось обнаружить эту могилу?

– Вот с этого все и началось... Дело в том, что имеется информация о нехороших последствиях для людей, пытавшихся исследовать эти явления. В их жизни все пошло кувырком. Я это знала и все равно взяла с собой жениха, Антона. – Я горестно вздыхаю и замолкаю, кусая губы, но слезинку выдавить не удастся. За окном автомобиля проплывает табличка на белом фоне – «Стрый». Мы въехали в город.

– Мария, где вас высадить? – вежливо интересуется Андраш, но по всему видно, что ему не терпится услышать продолжение рассказа, как, впрочем, и Ханне, и Габору, у которого даже глаза загорелись.

– Боюсь показаться навязчивой, но, если честно, мне бы лучше попасть в Мукачево, где живет подруга. Если для вас это будет затруднительно, то высадите меня у железнодорожного вокзала, правда, я не знаю, где это, так как никогда в этом городе не была.

Андраш быстро проводит на венгерском небольшое совещание, и, судя по выражению лиц членов семейства, никто не против, тем более что все ожидают продолжения моего рассказа.

– Мы отвезем вас, куда вам нужно, лишь бы это было нам по пути.

– Большое спасибо, вы очень любезны. Андраш, как будет по-венгерски большое спасибо?

– Szepen köszönöm.

– Сиипен кёсёнём, Ханна, Андраш, Габор!

Чтобы отблагодарить своих благодетелей, я включаю фантазию, описывая свои приключения. Из моего рассказа следует, что феномен блуждающих могил случается в основном с теми захоронениями, где лежат люди, обстоятельства смерти которых не вполне выяснены: несчастный случай, самоубийство или даже убийство. Есть даже версия, что это происходит из-за того, что самоубийцу, не считая его таковым, хоронят на территории хри-

стианского кладбища, а не за его пределами, как должно. Так что своего рода проклятие ложится и на исследователей этого феномена, и на близких им людей.

В необычные ситуации якобы стали попадать мы с женихом, еще когда ехали в поезде. Но самое ужасное произошло уже во Львове: Антон встретил в гостинице девушку, как две капли воды похожую на его первую школьную любовь, и увлекся ею.

Тут Ханна что-то сказала по-венгерски и укоризненно посмотрела на Андраша, тот покраснел, но перевел:

– При чем здесь блуждающие могилы? Такое сплошь и рядом случается, мужчины известны своим непостоянством.

Я поняла, что затронула больную для этой парочки тему и надо ее сменить.

– Дело в том, что та девочка погибла перед выпускными экзаменами, а девушка из Львова, так похожая на нее, словно получила магнетическую власть над Антоном. Мы с ним поссорились, на кладбище не поехали. Поужинали в ресторане, вернулись в номер, переоделись, тут Антон, ничего мне не говоря, вышел в коридор. Подождав пару минут, я последовала за ним, но на этаже его уже не было. Спустившись в вестибюль, я увидела, что он садится с той девицей в автомобиль и у него странный вид, будто он сомнамбула и не понимает, что происходит. Я его громко позвала, но он словно не слышал. Обезумев от увиденного, я остановила частника и поехала за ними следом.

– Это было не совсем разумно, – перевел Андраш слова Ханны.

– Сейчас я это тоже понимаю. Уходит – отпусти, если твой, то он вернется.

Ханна что-то сказала и укоризненно покачала головой.

– Женщины живут чувствами, а мужчины – физикой. Обычное состояние женщины – влюбленность, – перевел Андраш.

– Чем дальше мы отъезжали от Львова, тем больше нервничал водитель автомобиля, в котором я ехала, еле уговорила его продолжать путь. В предместье Стрыя машина с незнакомкой и Антоном остановилась у загородного отеля. В крайне нервном состоянии я тоже вышла и догнала Антона возле ресепшн. Он не слышал меня, был на своей волне, словно пьяный или под воздействием наркотика, хотя это невозможно. Антон просил прощения и лепетал что-то вроде: «Мы в любом случае останемся друзьями». Расстроившись, я заявила, что между нами все кончено, и выскочила из отеля.

Автомобиля, на котором я приехала, у входа не оказалась, вместе с ним исчезла моя сумочка с деньгами. Я не запомнила ни номера автомобиля, ни его марки, ни цвета, а водитель в моей памяти вообще остался расплывчатым пятном. Хорошо, что большая часть денег и документы остались в номере отеля, где мы остановились.

Я поймала другой автомобиль и договорилась с водителем, что он отвезет меня во Львов и там я с ним рассчитаюсь. Вместо этого он повез меня в противоположную сторону и попытался изнасиловать. Чудом я вырвалась и несколько часов блуждала по лесу, пока не вышла на трассу и не встретила вас. Я не захотела выйти в Стрые и просить в столь неприглядном виде помощи у Антона. Лучше поеду к подруге, живущей в Мукачеве, а оттуда вернусь во Львов.

Тут мальчик о чем-то жалобно спросил меня, и Ханна стала ему объяснять со строгой учительской интонацией.

– Габор интересуется, что же происходит с блуждающими могилами, – улыбнувшись, пояснил Андраш.

Мой рассказ оказался убедительным, логичным, вызвал у супружеской пары сочувствие, только мальчик остался недоволен тем, что со мной ничего мистического не произошло и обошлось без вампиров.

В дорожном кафе венгры угостили меня завтраком, а Ханна, порывшись в вещах, подарила шорты и блузку. В туалете я, как смогла, привела себя в порядок и стала выглядеть более

или менее прилично. Вот только стоптанные комнатные тапочки слегка портили мой вид. Мне очень повезло, что я встретила таких прекрасных и отзывчивых людей. Не так просто будет милиции выйти на мой след, поскольку эта семья вскоре пересечет границу, так и не узнав, что помогла «опасной преступнице-психопатке».

Вскоре мы въехали в Карпаты, край смерек, стремительных каменистых речек, в эту пору года больше похожих на ручьи, и удивительно чистого воздуха. Дорога серпантином уходила вверх, справа и слева возвышались горные склоны, поросшие лесом, и куда ни глянь – округлые зеленые шапки гор.

– Верецкий перевал, священное место для венгров, – взял на себя обязанности экскурсовода Андраш. – Больше тысячи лет тому назад через него племена угров пришли в Придунайскую низменность, где впоследствии и образовалась Венгрия. На самой вершине установлен памятник в честь этого события – семь блоков, стоящих друг на друге, – по количеству племен, предводителем которых был вождь Арпад.

– Интересно было бы увидеть этот памятник.

– Эта трасса проходит в стороне от старой дороги через перевал, где он установлен. Если желаете, мы можем остановиться и пройти к нему.

– Нет, спасибо, хочется поскорее добраться до Мукачева. – Я не в том положении, чтобы любоваться туристическими достопримечательностями.

Хорошее состояние трассы и ее слабая загруженность позволили нам быстро преодолеть перевал. Лишь на минуту на самой вершине мы вышли, чтобы увидеть открывшийся чудесный вид. Ощущение было такое, что в далеком прошлом здесь бушевал яростный океан, но в какой-то миг огромные волны окаменели и сделались горами. Мне вспомнились угрюмые, мрачные горы Алтая с седыми шапками вечных снегов, подпирающими небо, коварными ледниками и унылыми высокогорными равнинами. Карпатские горы, на мой взгляд, гораздо приветливее.

Чем ближе мы подъезжали к Мукачеву, тем больше я переживала: как встретит меня Соломия? В универе мы были с ней очень дружны, и последующие несколько лет наша связь не обрывалась. К сожалению, чем больше лет проходило после окончания вуза, тем меньше мы общались и в конце концов стали ограничиваться поздравлениями с праздниками. А за последние два года общение вообще прекратилось. В моем положении это было плюсом: не скоро начнут искать меня у Соломии. Но грызли сомнения: захочет ли Соломия помочь мне, ведь это грозит ей крупными неприятностями.

У Соломии я была в гостях один раз, лет шесть тому назад, но, полагаясь на свою зрительную память, думала, что найду ее дом. Из воспоминаний самые яркие оставил замок Паланок. Чем ближе к Мукачеву, тем больше нервничаю, хотя стараюсь это не показывать. Да, скоро я останусь совсем одна.

Когда вдали, на одиноком посреди равнины вулканическом гребне показались грозные стены замка, словно плывущего в облаках, я успокоилась: его вид придал мне уверенности, что все будет хорошо. Точного адреса Соломии я не помнила, но, когда увидела острый шпиль ратуши, попросила остановиться. Мне припомнилось, что во время прогулки по центру Мукачева мы пешком от ратуши вернулись к Соломии домой. Еще я помнила, что слева было нечто похожее на парк, а затем мы шли мимо футбольного поля. Что-то очень значимое, связанное с квартирой Соломии, промелькнуло в голове, но я никак не могла это уловить.

Сердечно распрощавшись с семьей венгров, оказавших мне неоценимую помощь, и клятвенно пообещав Габору, что обязательно напишу ему, чем закончилась история с блуждающими могилами, я вышла из автомобиля.

Когда я стала расспрашивать прохожих, меня направили на улицу Первомайскую, и я в самом деле вышла к футбольному полю. И тут я вспомнила действительно важную деталь: рядом с домом Соломии находится винзавод. Воспользовавшись этим ориентиром и помо-

щью прохожих, я вскоре оказалась возле трехэтажного дома, где жила Соломия. Как мне помнилось, ее квартира находится на втором этаже, дверь направо, в торце. Поднявшись и позвонив, я испытываю разочарование – в квартире никого нет. Может, она еще не вернулась с работы? Если же Соломия где-то на отдыхе или в длительной командировке, то для меня это катастрофа.

Решаю ожидать ее до позднего вечера, но что буду делать, если она не придет домой, не представляю себе. Ужасно быть в неведении, но разыскиваемой беглянке приставать с расспросами к соседям, мозолить им глаза нежелательно. Перебравшись в соседний двор, я нахожу уютную скамейку под яблоней. Усевшись, настраиваюсь на долгое ожидание.

Хотя приближается вечер, воздух все еще горячий, сухой, и тень дерева не спасает от июльского зноя. Вспоминается прохлада больничных коридоров замка-больницы. «Ну уж нет! Лучше мучиться от жары на свободе, чем снова вернуться в психиатричку!»

Бессонная ночь дает о себе знать, и, чтобы не заснуть, мне то и дело приходится вставать и разминаться. Это мало помогает, к тому же меня мучает жажда. Едва сдерживаю себя, чтобы не проверить, пришла ли подружка.

Даю себе установку: не суетись и не светись. Чем чаще я буду появляться в ее дворе, тем больше внимания привлеку. Не исключено, что мое фото в рубрике «Их разыскивает милиция» попадется кому-нибудь из жильцов на глаза и он меня опознает. Этим накличу беду не только на себя, но и на Соломию.

Когда, по моим расчетам, проходит больше часа, я решаю вновь навестить квартиру Соломии. Осторожно вхожу в ее двор. К счастью, он почти пуст, лишь двое мальчуганов с самодельными луками устроили соревнование «а ля Вильгельм Телль».

Позвонив в дверь и услышав за ней шум, обрадовалась и испугалась одновременно: как Соломия отреагирует на мое неожиданное появление? Сразу же ей все расскажу, и пусть решает, как ей поступить.

Дверь открылась, и передо мной возникла улыбающаяся Соломия. За время, которое мы не виделись, она поправилась, хотя и раньше была пышкой. Но это ни в коей мере ее не испортило: у нее тонкая талия, крутые округлые бедра, стройные ноги, а бюст такой, что взгляды мужчин как магнитом притягиваются к нему. Она очень гибкая и спортивная, что неудивительно: Соломия – мастер спорта по художественной гимнастике. А если к этому добавить свежее кругленькое личико в ореоле прекрасных светлых волос, с симпатичными ямочками на щеках, когда она улыбается, то понятно, почему мужчинам так сложно не поддаться ее чарам. Но главное ее достоинство – необычайной голубизны глаза, которые лучше слов передают ее состояние и даже мысли. Увидев меня, Соломия лучезарно улыбнулась и нисколько не удивилась, словно ожидала моего появления.

– Салют, Иванна! Заходи, я очень рада тебе!

Я немного замешкалась, и она буквально силой втащила меня в прихожую.

– Владик! У нас гости – шампанское в морозилку! – крикнула она в направлении комнаты.

Выходит, она не одна, и это очень плохо. Будет проблематично доверительно переговорить. Да и нежелательно, чтобы кто-нибудь видел меня у нее. Разумно было бы сразу уйти, перенести встречу, но я смертельно устала, да и куда идти?

– Кто это тебя так изуродовал, красотка?

Странно, что она меня узнала. В прошлом году, находясь в тропиках, я приобрела нынешний облик: из длинноволосой натуральной блондинки превратилась в брюнетку с короткой стрижкой. За время заточения в больнице волосы немного отросли, так что стали видны светлые корни. С новым образом я свыклась и забыла, что есть еще люди, помнящие меня иной.

– У тебя гости? Кто?

– Сейчас узнаю. – Соломия, улыбнувшись, продемонстрировала обворожительные ямочки и снова крикнула в комнату: – Владислав, кто ты мне: любовник, муж, бойфренд или сантехник? Тут очень интересуются.

– Первое, второе и третье, а насчет сантехника, так рылом не вышел, – сообщил появившийся в коридоре плечистый парень в плотно обтягивающей торс футболке, судя по рельефу мышц груди и живота, дружащий со спортом.

– К сожалению, не сантехник. – Соломия тяжело вздохнула. – С тобой в этом направлении надо еще работать и работать.

– Я – Владислав! – протянул он мне руку.

– Иванна, – назвалась я, протягивая свою.

– Влад, дамам руки не жмут, а целуют! – возмутилась Соломия.

Парень неловко поднес мою руку к губам и на мгновение слегка прижал к ним. Мне вспомнилось, как целовали мне руку кавалеры в средневековой Италии – Джакомо, Людовико... Для них это было удовольствие, и они испытывали при этом буквально блаженство...

– Чего мы в коридоре собрались? Вперед! – скомандовала Соломия.

Со времени моего предыдущего приезда в комнате ничего не изменилось: застекленная горка с посудой, раздвижной диван-кровать, в одном углу на стеклянной тумбочке плоский телевизор, в другом – столик со стационарным компьютером. Квартиру Соломии купили родители, сами они живут в селе где-то в Карпатах. За неимением стульев мы втроем уселись на диван, Соломия посередине.

– Иванна, какими судьбами? Ты здесь в командировке от газеты?

– Не совсем. Убежала от личных проблем... – промямлила я, опустив голову и пряча глаза.

– Влад, марш на кухню, готовь нам ужин! А мы тут посплетничаем. Нечего тебе бабские байки слушать.

Владислав неохотно поднялся, демонстративно тяжело вздохнул и поплелся в кухню.

– Бодренько, раз-два – левой! И лимончик не забудь нарезать! – напутствовала его Соломия.

Вспомнились мои отношения с Егором, пожалуй, в них не было той простоты и открытости, как между Соломией и Владиславом.

– Давай, рассказывай, что с тобой приключилось? – Соломия серьезно и испытующе посмотрела на меня.

– В двух словах не рассказать. Суть такова: одна барышня, чтобы я больше не претендовала на своего бывшего жениха, уpekла меня в психиатрическую больницу. Там я находилась до вчерашнего вечера, когда случайно стала свидетельницей того, как выпотрошили труп больной – изъяли органы, а затем и убийства медсестры. Мне чудом удалось вырваться и убежать оттуда. Услышала, как преступники договорились спихнуть убийство на меня, так что я уверена: на меня уже открыта охота. Видишь, во что собираюсь тебя втянуть! – с горечью произнесла я. – Мне требуется помощь, хотя бы для того, чтобы вернуться в Киев. Ты извини, что заявила к тебе. – Решаю расставить все точки над «і»: – Оказав мне помощь, ты автоматически становишься соучастницей. Ты вправе немедленно выставить меня за дверь – я это восприму нормально. Так что решай.

– Ты сомневаешься в том, что я тебе друг?! – воскликнула Соломия и понизила голос:

– Я тебе верю и сделаю все, что в моих силах. Поживешь у меня.

– Разве что пару дней, чтобы прийти в себя. Спасибо, Соломия! Что бы в моей жизни ни произошло, никогда этого не забуду.

– Не дрейфь – прорвемся! И эдельвейсы будут у наших ног! – Соломия обняла меня, я уткнулась лицом в ее выдающиеся груди и слегка всплакнула.

– А сейчас – пиршество! Влад, ты там заснул? Очень есть хочется!

– Госпожа, еще пару минут! – донесся голос Владислава.

– У вас ужин еще не готов? Тогда мы идем к вам! – Соломия подхватила с дивана. – Иванна, за мной!

Поев и выпив пару бокалов шампанского, я почувствовала, что смертельная усталость наваливается на меня и если сейчас не лягу, то усну прямо за столом. Соломия прекрасно поняла мое состояние, быстро раздвинула диван и постелила мне на нем, несмотря на мои возражения. Только моя голова коснулась подушки, я провалилась в сон.

1.2

Открываю глаза: темно, тишину нарушает лишь тиканье часов на стене, мерно отсчитывающих время. Еще ночь? Откуда тикающие часы? Это не больница? Где я? Выходит, это был не сон? Я свободна?! Но разве может быть свободен человек, находящийся в бегах? Что мне делать? Как найти выход из создавшегося положения? Неужели я обречена всю оставшуюся жизнь быть беглянкой или затворницей в психушке? В памяти, словно кадры киноплёнки, всплывают события двух последних дней. Безумие – жить прошлым, но еще большее безумие – от него отказаться. Особенно когда в нем скрыта личность убийцы.

* * *

В субботу новый лечащий врач, Мартин Леонидович Фекете, заступил на суточное дежурство, и я поспешила в его кабинет. Про себя называю его просто Мартином. Он – полная противоположность предыдущему лечащему врачу: молодой, лет тридцати с небольшим хвостиком, приятной, располагающей наружности, весьма обходительный. У него ладно скроенное тело спортсмена-легкоатлета, броская, слегка слащавая наружность, как у положительных героев советских фильмов. Наше время требует универсальных актеров: сегодня они играют принципиальных, неподкупных следяков или восторженных влюбленных романтиков, а завтра – кровожадных убийц-маньяков или пошлых сладострастных циников. В советских фильмах меня поражает подбор актеров: с первого кадра можно определить, кто положительный герой, строитель светлого будущего, а кто – противостоящий ему коварный злодей.

С первой встречи у меня появилась надежда в скором времени покинуть лечебницу. Прошло две недели, и я решилась на этот разговор. Мартин предложил мне присесть к столу.

– Иванна, чай будешь? – Не дожидаясь ответа, врач достал из шкафа чашку и поставил рядом со своей. – Какой тебе – черный или зеленый?

А меня накрыл дурманящий запах свежесваренного кофе.

– Лучше кофе.

– Кофе так кофе, хотя это не тот напиток, который следует употреблять с нейрорепрессантами, – усмехнулся он, но отмерил мне изрядную порцию молотого кофе и залил его кипятком.

Непередаваемый аромат напитка ввел меня в состояние, близкое к блаженству, и меня охватило нетерпение – захотелось поскорее ощутить его вкус, так что я даже забыла, зачем пришла. Мартин снисходительно улыбнулся – видимо, понял мое состояние, – и все же возвратил меня с небес на землю. У него был пристальный, оценивающий взгляд любителя женщин, героя-любовника, и это меня волновало.

– Ты в гости или по делу?

Решила сразу взять быка за рога, ведь прямые вопросы требуют таких же прямых ответов.

– Хотела узнать, как долго мне еще здесь находиться. Думаю, вы убедились, что я психически здорова и нейрорептики мне скорее вредят, чем приносят пользу.

– Почему же тогда я не отменил их? – Уголки губ у него дернулись, и улыбка стала ироничной.

– Не исключено, что на вас оказывают давление, требуют меня здесь придержать. Я права?

– Ты считаешь, что полностью здорова и тебя необходимо выписать?

– В этом у меня нет сомнений.

– А у меня есть.

– Я вам уже рассказывала, что нервный срыв, ставший поводом поместить меня в психиатрическую больницу, был спровоцирован каким-то препаратом.

– Тебе его подсыпали в кофе, после чего ты стала неадекватно себя вести.

– Точно! Это был единственный раз, ни до того, ни в больнице со мной такого не происходило.

– Ты в этом уверена?

– Абсолютно.

Врач встал и достал из шкафа пухлую папку. Я напряглась, успев заметить, что это моя история болезни. Открыв ее, он вынул и показал мне прошитую стопку листков.

– А как же это? Первый приступ болезни у тебя произошел весной прошлого года в Санкт-Петербурге. Тебе была оказана помощь врачом-психиатром.

– Так это же... – Я испуганно замолкла, ведь, рассказав ему, как все было, тем самым подтвердила бы свой диагноз. Несомненно, при всей неприязни ко мне Любо мог пойти на это лишь по указанию Мануэля.

– Но это было только начало. Серьезный приступ с проявлением агрессии случился у тебя, когда ты находилась в Перу, где была даже госпитализирована на несколько месяцев. Вот история твоей болезни. Испанского языка я не знаю, но тут имеется перевод резюмирующей части. Ты провела в психиатрической больнице с перерывом между двумя госпитализациями в общей сложности четыре месяца.

– Это сфабриковано! Все неправда, как и то, что касается заболевания в Санкт-Петербурге!

– Опять кто-то что-то подсыпал тебе?

– Гораздо проще: бумаги подделаны.

– Кому это надо? Ты такая важная шишка, что даже фабрикуют историю твоей болезни за границей? Поясни. – Мартин уставился на меня выжидающе, с серьезным видом, но в глубине его глаз я увидела смешинки: он не верил мне.

Мануэль как следует постарался: что бы я ни говорила, это будут только мои слова против бумаг с печатями. Если бы содержащуюся в них информацию проверили, думаю, обнаружили бы, что это фальшивки.

– С чего бы частный психиатр и перуанская клиника стали пересылать сюда эти выписки? Не кажется вам это странным? Откуда такой интерес к больной? – «Неужели ему самому не показалось это подозрительным?» – подумала я.

– Обязательно спрошу у главного врача. Но, если принять во внимание пики обострения твоего заболевания и кратковременные периоды затишья, ты еще нуждаешься в лечении – непродолжительном.

– Сейчас вы со мной разговариваете, как с нормальным человеком?

– Верно, как с нормальной и очень привлекательной девушкой. Лечение пошло тебе на пользу, немного побудешь у нас и вернешься к полноценной жизни. Но, – он развел руками, – обязательно будешь наблюдаться в психоневрологическом диспансере.

– Хорошо, пусть будет так. Когда я смогу покинуть больницу?

– Это не только от меня зависит. Этот вопрос я уже ставил на специальной комиссии, но мне порекомендовали повременить.

– Можно посмотреть, что обо мне написано? Испанским я владею прилично.

Когда я протянула руку к истории болезни, Мартин отодвинул папку подальше от меня.

– Охотно верю, ведь в перуанской больнице ты провела несколько месяцев.

– Кроме испанского я знаю итальянский, английский, польский и латынь.

– Надеюсь, ты не наделаешь глупостей и воспримешь написанное адекватно. У тебя две минуты на ознакомление. – Мартин придвинул ко мне выписку из истории болезни на испанском.

Из нее следовало, что я была госпитализирована с острым приступом агрессивной паранойи и пребывала в невменяемом состоянии несколько дней. Лечение проводилось на протяжении двух месяцев. Через полтора месяца после выписки – рецидив болезни и двухмесячное лечение, которое не помогло побороть возникшую амнезию. Даже прилагались копия договора между лечебницей и компанией с незнакомым названием на оказание мне медицинских услуг и копии счетов, свидетельствующие о том, что мое лечение обошлось в кругленькую сумму. Формально комар носа не подточит. Чтобы все это опровергнуть, требуется слетать за океан, в ту больницу, чего, конечно же, никто делать не будет. Все как в том анекдоте: если трое говорят, что четвертый пьян, то ему остается только пойти лечь спать.

– Судя по твоему виду, для тебя это новость. Но я не удивлен: больные с подобным диагнозом часто подвержены амнезии, которая касается отдельных событий жизни, как в твоём случае. Как правило, люди, имеющие психическое заболевание, считают, что они абсолютно здоровы. Уже одно то, что ты не помнишь о тех событиях, подтверждает диагноз.

Как бы подытоживая сказанное, Мартин весело рассмеялся и оптимистически изрек:

– Я уверен в твоём скором выздоровлении. Ты довольна?

Молча киваю и, покинув кабинет, в коридоре, по выработавшейся привычке, подхожу к зарешеченному окну. За ним властвует дурманящий свинцовый июльский зной, высушивший зелёный газон до соломенного цвета. Застывшие в безветрии листья яблонь приобрели серый мышиный цвет и свернулись в трубочку, став похожими на уродливое произведение человека, а не на чудесное творение Природы. Перегретый воздух осязаемо давит, сушит, но все же манит оказаться за пределами стен больницы. Время лени тела и души расслабления, самая ненавистная для меня в прошлом пора. Но сейчас она дразнит меня свободой, будит жгучее желание вырваться за стены больницы.

Психиатрическая больница располагается в двухэтажном здании бывшего дворца польских магнатов. Нынешнее убогое состояние старинного строения никак не вяжется с громким названием «дворец». Тут скрипуче-музыкальные полы, неприглядный фасад с обвалившейся штукатуркой, продуваемые ветрами огромные готические аркообразные оконные проемы, забранные решетками, казарменный кафельный ватер-клозет без унитазов, со свисающими цепочками для слива. Женское отделение расположено на первом этаже, мужское – на втором.

Перестройка помещений дворца под больничные проводилась давно, и кроились они под палаты кое-как, словно на глаз и в состоянии опьянения. Поэтому они имеют в основе необычные конфигурации разносторонних параллелограммов, а не привычные прямоугольники или квадраты. Стены, выкрашенные до середины казенной синей краской, порядком облупились, выше них идет несвежая серая побелка. Уверена, что на месте трех больших палат раньше был один парадный бальный зал. Сохранившийся деревянный потолок – настоящее произведение искусства: коричневого цвета, поделенный на аккуратные выпукло-пирамидальные с квадратным основанием ячейки. В моей палате раньше висела хрустальная люстра, а ныне с потолка свисает трехрожковая уродина без плафонов. В центре круга небесного цвета имеется лепнина, изображающая герб прежних владельцев дворца.

Голова льва, изрыгающего пламя, уютно устроилась на рыцарском шлеме, украшенном короной; на геральдическом щите снова изображение головы льва, изрыгающего пламя, и все это в обрамлении необычных растений. Видимо, владельцы дворца принадлежали к древнему и знатному роду. Жаль, что я полная профанка в геральдике, любопытно же: зачем на одном гербе две головы льва?

Фантазирую, представив былое великолепие этого зала. Мысленно убираю перегородки, снимаю убогие доски пола, возвращаю лакированный паркет. Видятся дамы в длинных, пышных, колоколообразных платьях с оголенными плечами, со сверкающими на лебединых шеях драгоценностями, страусовыми перьями на головных уборах и степенные господа в черных фраках, белоснежных манишках, на фоне которых резко выделяются «бабочки» с брильянтовыми заколками. Дамы и господа неторопливо потягивают из хрустальных фужеров французское шампанское «Вдова Клико».

– Время приема лекарств! Бегом в процедурную! – гудит, возвращая меня в серую повседневность, густой бас санитары Степана, огромного и нескладного, с большим обвисшим животом любителя пива.

Больные шарахаются от санитары в разные стороны, освобождая ему дорогу, поскольку знают, что он может отвешивать затрешины замешкавшимся. Возле процедурной выстраивается очередь.

С неохотой отрываюсь от лицезрения, на неисклюшенный взгляд, неизменного вида за окном. На самом деле каждый день вносит в него что-то новое, и я с радостью распознаю эти движения времени и жизни. Разнообразно шевеление веток от дуновения ветра, но даже их неподвижность при полном штиле неповторима, стоит только всмотреться. Прав был грек, предупреждавший о невозможности дважды войти в одни и те же воды. Для меня познаваемость мира – это динамика диалектики Гегеля, а не застывшая метафизика Канта. Иначе застой, пустота и смерть.

Возвращаюсь из коридора в палату. Спертый воздух плохо проветриваемого помещения, коктейль острых запахов лекарств, дезинфицирующих средств и человеческого общежития. Палата рассчитана на десять мест, четыре пока свободны. Мои кровать и тумбочка находятся у самого окна. Слежу за тем, чтобы форточка была постоянно открыта, но на нее то и дело покушаются. Вот и сейчас она закрыта. Молча взбираюсь на кровать, с нее – на подоконник, распахиваю форточку, хотя это практически бесполезно – снаружи тишь безветрия и тяжесть зноя.

– Ты эгоистка, только о себе думаешь! У меня пневмония, ты хочешь меня сквозняком в гроб загнать! – выкрикивает Магда, и ее костлявое тело трясется, словно в тропической лихорадке.

Она натужно кашляет, но я, зная, что это притворство, не обращаю на нее внимания. Давит на жалость, но в этих стенах ее не найдет, здесь правят бал ненависть и бездушие. Другого не может быть в этом общежитии душевной боли и вынужденного терпения чужого присутствия.

Магда – лунатик, ночами бродит по палате в поисках выхода. Удивительным образом не натываясь на тесно стоящие кровати, она не в силах найти дверь, многократно проходит мимо нее, словно мешает непонятная сила. Отличие палат в психушках от палат в обычных больницах в том, что в первых двери постоянно открыты, чтобы больные всегда находились в поле зрения медперсонала. Поэтому палату мы называем между собой «аквариум». Желание больных «уединиться», закрыв дверь, чревато вынужденным затворничеством: ручки на дверях только с наружной стороны.

Предполагаю, что лунатизм Магды имеет механизм самосохранения, так как выходить ночью из палаты разрешено только по естественной надобности, в ином случае это грозит наказанием – заточением в изоляторе.

Не реагирую на Магду, продолжающую возмущаться, спешу покинуть палату, пока сюда не зашел Степан. При всяком удобном для него случае он старается меня облапить, а мои жалобы на такое его поведение результата не дают. Успеваю выйти из палаты вовремя, поравнявшись с идущим навстречу санитаром, чуть ли не прижимаюсь к стене. Заметив мой маневр, он ехидно усмехается, окинув меня масляным взглядом. Подходя к процедурной, слышу позади вопль, оглянувшись, вижу, как из палаты с ускорением вылетает растрепанная Магда.

Очередь движется медленно, спешить некуда. Сегодня самая вредная и беспокойная смена: медсестра Божена Ильковна, как и Степан, обладает желчным и мстительным характером, вымещает дурное настроение на пациентах, демонстрируя свою деспотическую власть при любом, даже самом незначительном проступке больного. Ей лет сорок пять, она низкого роста, квадратной конфигурации, с вечно недовольным выражением лица, словно весь мир ей задолжал и не спешит рассчитаться. При внешнем различии медсестры и санитар удивительно подходят друг другу, и про себя за злобный нрав я зову их Сцилла и Харибда.

В будние дни старшая медсестра выдает таблетки, а дежурная медсестра делает инъекции, в выходные все это делает одна медсестра, но очереди две. Вначале делают уколы, затем к медсестре присоединяется Степан и начинается выдача таблеток – представление, которое больные прозвали «кормление». В дневные часы мне, как и большинству обитателей психушки, полагаются таблетки галоперидола и циклодола, «галочки» и «цикли» по нашему. Каждый больной приходит на «кормление» со своим стаканом, наполненным водой.

Наступает мой черед, и я вхожу в процедурную – продолговатую комнату с небольшим столиком и расшатанной кушеткой, застеленной белой простыней.

Получаю от медсестры одну большую и одну маленькую таблетки. Плавным движением отправляю их в рот, неспешно запиваю водой, словно проигрываю сцену из спектакля, где требовательные зрители – а сейчас это медсестра и санитар – внимательно следят за моими глотательными движениями. Даже не пытаюсь симулировать прием таблеток, прятать их под язык.

– Открой рот, высунь язык! – приказывает Степан.

Подчиняюсь ему: на горьком опыте знаю, чем грозит неповиновение. На первых порах боролась, пытаюсь доказать, что попала сюда ошибочно и эти отупляющие лекарства мне только вредят. Самое страшное наказание – это вонючая палата-изолятор, где накачивают седативными препаратами, от которых становишься тупым и безвольным, словно тюфяк, или, и того хуже, привязывают к койке, не давая даже сходить в туалет. Тех, кто отказывается принимать пищу, кормят насильно, пропуская трубочку через нос, что очень болезненно. Такая вседозволенность и твоя незащищенность ломают личность. Проведя там несколько дней, ощущаешь, что и в самом деле сходишь с ума.

Удовлетворившись осмотром моего рта, медсестра отпускает меня, и я выхожу из процедурной. Вновь иду к окну, выходящему во двор, и уже бездумно лицезрею природу – наступила атрофия чувств. Такое состояние все чаще охватывает меня, принимаемые лекарства словно выдавливают мысли и желания. У меня остается единственное желание – чтобы ничто не нарушало мой покой.

Очередь около процедурной иссякла, в коридоре вновь появляется хмурый Степан, а это означает, что начался тихий час и больные должны занять горизонтальное положение на своих койках. Возвращаюсь в палату.

– Иванна, у тебя есть «цикля»? – жалобно спрашивает Магда, выводя меня из состояния безмятежности.

Я трясую головой, пытаюсь не поддаваться отупевающей пелене, окутывающей мозг, – так действует лекарство. Я даже выработала свою методику: на мгновение плотно сжав веки, тут

же как можно шире раскрываю глаза, одновременно с усилием сглатываю слюну, напрягая мышцы гортани. На сей раз это не помогает.

– Отвяжись! – Открываю тумбочку, нахожу в потайном месте припрятанную иголку, но не достаю ее из-за прилипчивой соседки.

– Ну Иванна, пожалуйста! – не отстаёт Магда.

Циклодол – препарат, снимающий побочные действия галоперидола. После приема циклодола наступает легкое опьянение, и многие из больных ухитряются не проглотить утром таблетку, приберегая ее «на потом», а после обеда принимают сразу две и получают «кайф». Таблетки циклодола стали здесь единицей обмена и взаиморасчетов. Не беда, что обслуживаемые «цикли» переходят изо рта в рот. Медперсонал об этом знает, но при выдаче лекарств больше контролирует прием галоперидола, поскольку имеет свою выгоду, участвуя в бартерных и денежных операциях с участием циклодола. Я как-то поинтересовалась у Магды, не отразится ли негативно на ее здоровье прием галоперидола без циклодола.

Магда хихикнула: «От “галочки” только цыцки хорошо растут!»

– Нет у меня ничего. Отстань, а то Божене скажу! – С Магдой иначе нельзя, если почувствует слабость, будет канючить целый день.

Она испуганно замолкает и отворачивается. Пользуясь этим, достаю иголку и быстро втыкаю ее в бедро. От острой боли, пронзившей чуть ли не до сердца, подскакиваю на месте и сжимаю зубы, чтобы не застонать. Это метод варварский, но весьма эффективный. В голове проясняется, словно я выпила чашечку крепкого кофе. Только постоянно ведя борьбу с отупляющим влиянием лекарств, мне удается оставаться самой собой.

Хочется вернуться в коридор, но наступило время «тихого часа» и появление в коридоре грозит отправкой в изолятор. А я им сыта до не хочу. Вытягиваюсь на кровати и даже не пытаюсь заснуть. Под подушкой лежат афоризмы Шопенгауэра из больничной библиотеки, но читать нельзя – это наказуемое нарушение больничного распорядка.

В левом углу палаты Галя вполголоса завела бесконечный диалог с собой, из которого не понять ни слова. У нее довольно редкое заболевание со звучным названием – болезнь Пика, проще говоря, атрофия мозга. Ей лет сорок, при прогрессирующем слабоумии она еще довольно прилично себя ведет, ей не требуется посторонняя помощь. Мне ее жаль: это заболевание чаще встречается у людей старшего возраста, а она далеко не старая женщина. Вначале, как только я поселилась в этой палате, ее невразумительное бормотание действовало мне на нервы, теперь привыкла. Галя – старожил палаты, дольше нее тут никто не находится. Ее соседки, пятидесятилетние сестры Лера и Кристина, – «маньячки». Это страшное на первый взгляд слово обозначает маниакально-депрессивный психоз.

Сон все не приходит, хотя ночами, как и большинство пациентов больницы, страдаю от бессонницы, вызванной регулярным приемом аминазина. Его аналог, но без такого побочного действия, – азалептин, можно достать у медсестер за деньги, но с финансами у меня проблема.

Лежу, бездумно устремив глаза вверх. Без сомнения, нейролептики влияют на мыслительный процесс, ведь, сколько ни пытаюсь, не могу найти ответ на злободневный вопрос, сформулированный еще русским классиком: «Что делать?»

Возможно, в этом виноваты не лекарства, а безысходность моего положения, зависимость от чужой воли? Как можно строить планы, не зная, сколько еще придется находиться в больнице? Удивительно, но я не чувствую особой ненависти к Вике, по чьей вине здесь оказалась. Она лишь исполнитель. Мануэль воспользовался тем, что она ревновала Егора. Под влиянием препарата, который она подсыпала мне в кофе, я устроила дебош в кафе, несла чушь. Многое из того, что я наговорила, не контролируя себя, не было болезненным бредом. Но как иначе могли воспринять мои слова о том, что я путешествовала во времени и общалась со многими историческими личностями в Средневековье? И с вредоносными астраль-

ными сущностями «энерджи», внедряющимися в тела людей для достижения своих коварных целей? Неудивительно, что, придя в себя после нескольких дней безумия, я оказалась пациентом психиатрической больницы. Мне был поставлен диагноз: шизофрения с параноидальным бредовым синдромом.

За всем этим стоит мой бывший шеф – Мануэль. Поскольку я желала выйти из-под контроля, он отправил меня в психиатрическую больницу, расположенную далеко от Киева, изолировав от друзей. Очень скучаю по Егору, Марте, подругам, друзьям, безумно хочется увидеться с ними. Вначале я не имела возможности подать им весточку о себе, а когда подружилась с медсестрой Соней, постеснялась это сделать. Не хочу, чтобы они увидели меня слабой, беспомощной, в окружении психически больных людей.

Чувствую, что впадаю в истерику из-за неопределенности будущего, с трудом подавляю ее. Время тут тягучее, как резина, болезненна его медлительность. До сегодняшнего разговора с лечащим врачом я надеялась, что еще немного – и меня выпишут, и не потребуются прибегать к чьей-либо помощи. Сейчас у меня такой уверенности нет.

Хоть и очень не хочется, необходимо позвонить Марте и рассказать о своем бедственном положении, попросить о помощи. Но разве она в силах мне помочь? Да и в чем помочь?

Сознание затуманивается, мысли путаются – это циклодол начинает действовать. Чувствую расслабленность и легкую эйфорию, веки тяжелеют, и я уже не в силах их открыть.

«Циклодол, циклодол, ты даришь сон!»

Чувствую, что-то очень важное прошло мимо моего сознания, но уже плыву, качаясь на волнах невидимого эфира в окружении разноцветных шариков.

– А-а-а! – орет над ухом женский голос, полный животного страха, и я, как пружина, подскакиваю на кровати.

На соседней кровати Магда, выпучив глаза, словно жаба, снова пронзительно вопит, и это вконец изгоняет из меня сон. В палате становится шумно: от такого крика только мертвый не проснется.

– Что с тобой? – интересуюсь на правах ближайшей к ней соседки.

– Э-э-э... – Магда блеет и стучит зубами, указывает дрожащей рукой на Любу, кровать которой стоит почти у выхода.

Та, проснувшись, приподнялась и испуганно смотрит в нашу сторону.

– Поясни толком, что случилось?!

– Э-э... Там был черт! – выдавливая из себя Магда.

– Что он там делал? – Не знаю, злиться или смеяться над ней.

– Он стоял над Любой и крестил ее.

– Ч-черт – крестил?! – Еще немного, и я расхохочусь. Хотя что тут смешного? «Лечение» привело к тому, что у меня бывают резкие перепады настроения. Когда это замечаю, стараюсь сдерживать эмоции.

– Теперь Люба умрет, – спокойно поясняет Магда и зевает.

Ее глаза вдруг делаются сонными, она не похожа на человека, который пару секунд назад орал как резаный.

В палату вбегает медсестра Божена, обводит всех ядовитым взглядом.

– Что случилось?! Почему не спите?!

– Магда черта увидела, – ябедничает Кристя.

– Она сказала, что я умру! – Дрожащая от страха Люба натянула одеяло чуть ли не до подбородка, видимо, рассчитывая, что оно убережет ее от нечистой силы.

– Успокойся, с тобой ничего не случится. – Медсестра поворачивается к Магде. – Если еще раз озвучишь свои фантазии, то отправишься в изолятор!

– Я в самом деле видела черта! Он парил над спящей Любой и черной волосатой рукой перекрестил ее.

- Какой он был: с рожками и хвостиком?
- Большой, черный, а лица не разглядеть. Хотите поклянусь, что так и было?
- Поклянешься, как иначе. Подымайся! Пойдем чертей изгонять.
- Не надо! Не хочу в изолятор! – визгливо кричит Магда.
- Мне позвать Степана?!
- Хорошо, я пойду с вами, Божена Ильковна. Вы ничего плохого мне не сделаете?
- Всем спать, тихий час еще не закончился! Магда, за мной!

Медсестра молча направляется к двери, а за ней с обреченным видом плетется Магда.

«Черт привиделся! Увлечение циклодолом и прочими подобными препаратами Магду до добра не доведет. В этом виноваты и ее сердобольные родственники, исправно снабжающие ее “карманными” деньгами», – думаю я, поворачиваюсь на бочок и неожиданно быстро засыпаю.

Неувядающая песня «Все могут короли» Пугачевой врывается победным маршем в сон, сообщая об окончании тихого часа. Для большинства больных наступает время ничегонеделания, и лишь немногие, в том числе и я, работают, причем только по желанию, – это так называемая трудотерапия. Есть группа, вырезающая замысловатые фигурки из старых газет, и группа, которая занимается стихосложением и рисованием. Я же тружусь на участке, примыкающем к больнице, большую часть которого занимает старый сад. Нашу группу прозвали «огородники». Физический труд и возможность шесть раз в неделю бывать на свежем воздухе позволяют поддерживать себя в форме. Характерные последствия приема нейролептиков – ригидность конечностей, дрожание пальцев. Слава Богу, у меня этого нет.

К торцу больнички примыкает небольшой сад, деревья здесь посажены в форме буквы «п». Сад окружен с одной стороны старинной решетчатой оградой и с двух сторон – кирпичной стеной. Наше поле деятельности: три десятка старых фруктовых деревьев, почти не плодоносящих, и небольшой огород, снабжающий кухню овощами. Под руководством завхоза Яноша Давыдовыча я, еще три женщины и Рома из мужского отделения занимаемся прополкой, окучиванием, опрыскиванием и прочими сельхозработами. Я получаю удовольствие от физического труда, а еще эта работа навеивает фантастические мысли о побеге.

Свобода рядом – надо только перелезть через трехметровую кирпичную стену. Не такая уж стена высокая, достаточно подкатить к ней садовую тележку и, подпрыгнув, подтянуться. Но легкость побега лишь видимая. Каким образом попасть в сад ночью? Бежать днем – безумие: поймают задолго до того, как успею добраться до села, через которое проходит автомобильная дорога и до которого четыре километра. Большинство младшего медицинского персонала – из окрестных сел, и маловероятно, что беглец из «дурдома» сможет рассчитывать на помощь и содействие их односельчан.

Сегодня у меня задание подвязывать помидоры, занятие это кропотливое и неспешное. Продвигаюсь между рядами кустов, некоторые уже вымахали метра на полтора в высоту и увешаны мясистыми плодами, пока еще зеленого цвета.

Раздается нетерпеливый автомобильный сигнал. Я вижу, как в конце сада охранник открывает ворота, рядом с ним – двое незнакомых санитаров, видимо, из мужского отделения. Въезжает старенький микроавтобус мышиного цвета с пятнами ржавчины на кузове и направляется к больничному моргу, расположенному в бывшей часовне. Место крайне неприятное и зловещее.

Из микроавтобуса выходят несколько человек, среди них замечаю молодую женщину в черном платке. У меня сжимается сердце и по спине бежит холодок. В последнее время я часто вижу этот похоронный автомобиль, знаю, что через несколько минут санитары вынесут из морга гроб с покойником. Но почему это зловещее авто зачастило в больницу? Здесь что, эпидемия?

– Кто-то умер в мужском отделении? – не выдержав, интересуюсь у Яноша Давыдовича, который стоит рядом и тоже смотрит на приезжих.

– Нет, покойник не из наших. Новый КПК предусматривает обязательное проведение судебно-медицинской экспертизы для определения причины смерти усопшего, хоть бы ему и сто лет было. Районный морг не справляется с таким количеством умерших, поэтому подключили наших врачей и задействовали больничный морг. Феликс Маркович имеет опыт проведения судебно-медицинских экспертиз, вот он этим и занимается. С актом вскрытия родственники умершего едут в прокуратуру, и там выдают разрешение на захоронение. Столько волокиты и нервов! Видишь, как поздно приехали за телом? Солнце зашло, так что хоронить будут только завтра, а как оно сохранится в такую жару без холодильной камеры? Бальзамирование не особенно поможет.

– Спасибо, но эти подробности можно было опустить.

– Извини, я думал, что у тебя нервы покрепче, – улыбается завхоз.

Ему лет сорок, это крупный мужчина с удивительно холеными руками. Фигура у него очень представительная, а внешность серенькая, обычная, лицо с мелкими чертами – словом, человек из толпы. У него выпуклый лоб с залысинами, а остальное как-то проходит мимо внимания. Даже не могу точно сказать, какой у него цвет глаз – то ли темнокarie, то ли черные. Но человек он очень порядочный, добрый и ко мне относится с симпатией. Постоянно поощряет наш коллектив «огородников» разными угощениями: чаем, сладостями, фруктами, сигаретами – тех, кто курит.

– Со здоровой психикой и нервами здесь не находятся, – парирую я.

У Яноша Давыдовича дергается лицо, а я возвращаюсь к своей работе, больше не гляжу в сторону открытых ворот и морга.

– Все, кончай работу! – подает команду завхоз, и наша команда направляется в больницу. Для меня возвращение в палату – это как оказаться в тюремной камере.

Физическая работа на свежем воздухе меня взбодрила, и это отражается на моем облике. Иду пружинистым шагом по коридору, впереди вижу санитаря Степана и не прижимаюсь, как обычно, к стене, а прохожу рядом. Вдруг правую ягодицу обжигает, резко оборачиваюсь и вижу довольно ухмыляющуюся физиономию – он ущипнул меня!

– Задок у тебя что надо – откормила на больничных харчах!

Со всей силы влепляю ему пощечину, и щека у него становится свекольного цвета.

– Ах ты сука!

Степан сильно размахивается, бьет, но его кулак попадает в пустоту. Я перехватываю его запястье, чуть тяну на себя, его тело по инерции устремляется вперед, теряет устойчивость. Резко дергаю его руку вниз, помогаю ей сделать оборот в сто восемьдесят градусов, и стокилограммовый Степан неожиданно для себя делает кульбит через голову и с грохотом пушечного выстрела растягивается на полу. Все это происходит так неожиданно и быстро, что я сама не сразу осознаю, что произошло.

Лежа на полу, слегка оглушенный Степан ошалело смотрит на меня, но вижу, что начинает приходить в себя. Тренер по рукопашному бою был бы очень доволен выполненным мною приемом айкидо, а ведь считал меня в этом искусстве посредственностью, отмечал, что не имею боевой злости. Мне вспомнилось: когда отрабатывали приемы айкидо и джиуджитсу, сама не раз приземлялась «мельницей» на маты, и внутренности срывались со своих мест, сознание туманилось.

Степан поднимается довольно неуклюже, видимо, падение было болезненным, оно и понятно: не на мат же, а на деревянный пол. Продолжаю стоять перед ним, хотя вижу, что его глаза, как у быка, наливаются кровью бешенства. Странно, не чувствую страха, хотя здравый смысл подсказывает, что нужно бежать подальше и надежно укрыться. Маловероятно, что

мне снова удастся применить прием против этого здоровенного верзилы, теперь он насто-
роже и не даст застать себя врасплох.

– Сука, ты у меня попляшешь! – Степан сатанеет, он готов броситься на меня, а я про-
должаю стоять, как в столбняке, не веря в происшедшее.

– Успокойся! – Между нами возникает Янош Давыдович, он на полголовы ниже Сте-
пана, но сложением ему под стать.

Лапа Степана тяжело ложится на плечо завхоза, и кажется, что сейчас завяжется драка.
Не думаю, что интеллигентный Янош Давыдович сможет противостоять наглому бузотеру
Степану.

– Ты хочешь, чтобы я рассказал главврачу о твоём поведении? – холодно и спокойно
произносит Янош Давыдович, при этом его лицо остается бесстрастным.

В хладнокровии завхозу не откажешь. Пятёрня Степана, сжав клещами плечо Яноша
Давыдовича, тут же его отпускает. Санитар, багровый от злости, делает шаг в сторону, осво-
бождая проход завхозу и мне. Я не смотрю на Степана, но ощущаю его ненавидящий взгляд.
Не сомневаюсь в том, что санитар, дождавшись подходящего случая, отомстит мне. Здешнее
бесправие больных и всесилие персонала этому благоприятствуют. Завхоз провожает меня
до палаты.

– Спасибо, Янош Давыдович.

– Глупо. Очень глупо. – Осуждающе покачав головой, завхоз уходит.

Вижу, он вернулся к Степану и что-то тому втолковывает. Санитар с хмурым видом
молча слушает, глядя в сторону. Завхоз ему не начальник, но обещание пожаловаться глав-
ному врачу наверняка действует отрезвляюще. Вдруг Степан ловит мой взгляд, глазки его
мстительно сужаются. Я скрываюсь в палате.

Понимаю: что бы ни говорил Янош Давыдович Степану, он своего унижения не про-
стит. Я не ожидала помощи от завхоза, так как тут между больными и медперсоналом лежит
пропасть. Сколько ни жалуются больные главврачу на грубое отношение медработников, тот
никак не реагирует. Другое дело, если жалоба исходит от кого-то из персонала, пусть и зав-
хоза. Поэтому Степан испугался, ведь больница – практически единственное место работы
для жителей ближайших сел.

У Яноша Давыдовича странная и длинная фамилия – Сарканифог, в ней мне слышится
что-то греческое. Когда я сказала об этом Соне, та заявила, что я ошибаюсь, фамилия эта
венгерская, как и у Мартина. Западная часть Украины длительное время была под властью
королевской Польши, затем императорской Австро-Венгрии, и здесь произошло смешение
многих национальностей.

В палате почти все пациентки посчитали нужным подойти и похвалить меня за этот
поступок. Даже Галя пробормотала что-то невразумительное, глядя мне в глаза.

– Иванка, ты такая молодчага! – Лера восхищенно смотрит на меня. – Так этой скотине
и надо!

– Теперь будет знать, как лапать! – поддерживает ее Кристина. – Вон, гляди, какой
синяк он мне поставил. – Она поднимает полу халата и поворачивается задом, демонстрируя
огромное фиолетовое пятно на ягодице.

Отовсюду сыплются жалобы на грубияна Степана, который никому не дает проходу.
Как будто теперь я их защита и в любой момент могу наказать санитаря. Размякшая от похвал
и умиротворенная, словно совершила нечто грандиозное, сродни победе Давида над Голиа-
фом, я возвращаюсь к чтению Шопенгауэра.

Что-то острое кольнуло меня в шею, и я чуть не вскрикнула. Боль освободила от нава-
ждения воспоминаний. Не сразу поняла, что нахожусь не в психиатрической больнице, а
у Соломии дома, лежу в мягкой удобной постели; свежие простыни пахнут лавандой, а

подушка – просто прелесть. Виновником боли оказался анкх – египетский крестик из белого металла с кольцом сверху, на длинной серебряной цепочке. Отвечая в больнице на вопросы любопытных, я называла его своим оберегом, талисманом.

Но это не оберег, а уникальный прибор, который позволяет перемещаться во времени. Как и другим адептам школы Шамбалы, мне были открыты многие тайные знания, но не устройство и принцип действия анкха, позволяющего эмиссарам времени перемещаться в прошлое. Анкх – это по сути уникальный механизм, перемещающий астральное тело человека во времени. Впрочем, «механизм» – слишком грубое слово для этой небольшой изящной вещицы. При ее изготовлении применены технологии, о которых ученые даже не догадываются.

В середине прошлого столетия астрофизик Козырев проводил эксперименты с вогнутыми спиралевидными зеркалами, с помощью которых, как он считал, можно воздействовать на время. Участники эксперимента, проведенные в окружении подобных зеркал долгие часы, начинали чувствовать себя участниками давних исторических событий. Эксперименты Козырева и его последователей показали, что этот непонятный эффект может быть опасен, и опыты были прерваны. Согласно козыревской теории, внутри зеркального помещения изменялась плотность времени, и это способствовало обострению сверхчувственного восприятия. Выдвигались гипотезы, что таким образом у человека активизировалась родовая память и он словно смотрел старую кинохронику. Ведь признать, что таким образом отделялась от материального тела его астральная оболочка и перемещалась в прошлое, для ученых-материалистов советской формации было немыслимо – это было из области фантастики.

Миниатюрный прибор анкх и громоздкая зеркальная камера Козырева между собой имеют очень мало общего, гораздо меньше, чем крылья мифического Икара и современный сверхзвуковой истребитель. Создавался анкх на основе законов, к которым современная наука пока даже не приблизилась. Возможно, нас, живущих в начале XXI века, представители загадочной Шамбалы считают еще не готовыми принять эти знания. И дело не в самом знании, а в том, что человеку придется отбросить большинство незыблемых для него истин и сломать многие стереотипы. Человеческая психика может не выдержать, если придется сделать огромный скачок в интеллектуальном развитии, расширить сознание. Маугли и Тарзан, выросшие среди животных, никогда не стали бы полноценными современными людьми, что доказывают реальные случаи из жизни: найденные в джунглях дети так и не смогли научиться человеческому языку и в скором времени погибали, будучи не в состоянии приспособиться к непривычному миру.

Растирая место укола, ощущаю усиливающуюся расслабленность в теле и закрываю глаза. Мне обязательно надо выспаться, ведь неизвестно, что ждет завтра.

Внезапно возникает ощущение стремительного падения, подобное тому, какое испытывают пассажиры на борту самолета, когда тот проваливается в воздушную яму, или когда обрывается лифт и, ускоряясь, падает вниз с верхних этажей многоэтажки. Меня чуть не стошнило, и снова резкий переход: свободное парение, словно пушинка в пространстве, где нет ни верха, ни низа, нет ничего. Потоки времени вполне ощутимы и реальны!

Открываю глаза: нахожусь в каменном коридоре без окон, освещенном медными чадящими масляными светильниками, соединенными со злобеще улыбающимися масками-стенниками, прародителями современных бра, укрепленными на высоте чуть выше человеческого роста. Нет сомнений в том, что анкх «проснулся» и отправил меня в путешествие во времени. Судя по устройству и виду светильников, я попала в Средневековье. А мощные каменные стены коридора говорят о том, что я нахожусь в замке или оборонительной крепости.

Не знаю, что стало причиной необычного путешествия. То ли я непроизвольно каким-то образом активизировала анкх, то ли он выполняет ранее заложенную в него программу. Может, это и есть задание, на которое намекал Мануэль при нашей последней встрече? Мне неизвестно, ни где я нахожусь, ни что от меня требуется, ведь анкх может забросить меня в виде астрала в любую точку земного шара и в любой момент времени.

В конце коридора показались коротышка-горбун с крайне неприятной физиономией, напоминающей сморщенную грушу, поросшую редкой рыжей растительностью, и миловидная девушка в строгом сером одеянии горничной, белом фартуке и чепчике. Горбун был одет в обтягивающий короткий колет с накладными буфами и длинными рукавами чуть ли не до пола, что выглядело комично, особенно если учесть его крайне малый рост, рейтузы, плотно облегающие кривые ноги, и удлиненные остроносые туфли. Судя по одежде горбуна и девушки, предположение, что я оказалась в Средневековье, было верным.

Когда они приблизились, я интуитивно посторожилась, чуть ли не слившись со стеной. Хотя я в виде астрала чем могу им помешать? По лицу девушки заметно, что она испугана, возможно, провинилась и теперь страшится наказания. У меня конкретного плана-задания нет, поэтому решаю отправиться вслед за ними. Не знаю, насколько продолжительным будет мое пребывание в этом времени – может быть, пара минут, а может, несколько дней или даже месяцев. Завернув за угол, мы оказываемся в более коротком коридоре, который заканчивается ступенями, круто уходящими вниз. Похоже, там подвал или какое-то подземелье.

– А-а-а-а! – донесся снизу ужасный вопль, ударив по нервам, заставив все внутри похолодеть.

Конечно, у астрала нет ни нервов, ни внутренностей, это лишь фантомы ощущений, сопереживания. Вопль не умолкал, лишь изменялась его тональность, становясь то выше, то ниже. Казалось, его не может испускать человек. Кричала женщина, но что с ней делали, что вынуждало ее издавать такие звуки?

Девушка тут же остановилась как вкопанная, затряслась от страха. Мне самой было страшно в этом мрачном месте, а ведь я ничем не рисковала, находясь в состоянии астрала. Вопль перешел в хриплый крик, в нем слышались невероятная боль и мольба о пощаде.

Горбун стал что-то грозно выговаривать девушке, очевидно, требовал, чтобы она шла дальше. Мое знание латыни, итальянского, английского, испанского, польского ничего не дало – этот язык был мне неизвестен. Это явно не был один из романских или славянских языков, иначе я бы поняла хоть что-нибудь. И это не был греческий. В звучании улавливалось нечто, отдаленно напоминающее один из германских языков, но сильно исковерканный. «Ч», «р», «ш» произносились через гласную, пожалуй, мне повторить большинство услышанных слов было бы трудно. Финский, румынский, венгерский? Нет, не румынский, скорее венгерский. Если мое путешествие сюда запланировано Мануэлем, то он должен понимать, что без знания языка я лишь зрительница немого кино. Тогда какой прок от моего пребывания здесь?

Женский крик оборвался так же внезапно, как и возник. Девушка, еще больше побледнев, перекрестилась двумя пальцами, как католичка. Горбун вновь что-то угрожающе сказал ей, затем с неожиданной легкостью перебросил ее через плечо и двинулся дальше, словно его ноша ничего не весила. Девушка попыталась высвободиться, стала извиваться, даже барабанить кулачками по его спине, но он держал ее мертвой хваткой. Коротконожка горбун с девушкой на плече довольно ловко и быстро спускался по крутым ступеням. Девушка, видимо боясь, что он ее уронит, прекратила сопротивление и о чем-то жалобно попросила. Горбун остановился, раздумывая, затем опустил ее на ступеньку, продолжая крепко держать за руку. Дальше девушка пошла рядом с ним, очевидно, покоровшись судьбе. Я закричала:

– Зачем?! Разве ты не понимаешь, что внизу тебя ждет нечто ужасное? Борись, как можешь, за жизнь, пусть ты проиграешь, но с сознанием того, что не пошла безропотно на заклятие!

Голос астрала не слышен, он эфир, невидимая бестелесная сущность. Луплю изо всех сил горбуна по мерзкой голове, но не причиняю ему вреда, да и сама не успокаиваюсь. Девушку мне искренне жаль, но при всем желании ничем не могу ей помочь.

Вхождение астрала в тело человека возможно, если он переместился во времени в то же место и этот человек не имеет на теле «знака ведьмы». Даже мысль воспользоваться телом уродливого горбуна вызывает омерзение, но я на это пошла бы ради спасения девушки. К сожалению, перенесясь во времени, я оказалась далеко от того места, где находилась до этого, и могу быть лишь наблюдателем. Как замороженная иду за ними следом, заранее зная, что в дальнейшем буду горько сожалеть о том, что стала свидетельницей происходящего в недрах этого замка.

Девушка с каждой преодоленной ступенькой теряет силы, ее шатает из стороны в сторону, но вот лестница заканчивается. Здесь спертый воздух, ощущается неприятный запах затхлости, несвежего белья. Открывается узкий коридор, освещенный факелами, установленными в специальные держатели. Справа виднеются решетчатые двери, через которые видны небольшие продолговатые помещения. Без сомнения, это подземная тюрьма, и она пуста. Вопреки моему предположению, что горбун поместит девушку в одну из этих камер, он продолжает тащить ее за собой все дальше и дальше. Вот он останавливается перед мощной деревянной дверью с металлическими накладками и, постучав, открывает ее. За ней просторное помещение, также освещенное факелами, и я вхожу следом за ними внутрь.

В центре зала стоит серебряная ванна в виде лотоса, на ножках в форме львиных лап; в ней сидит обнаженная, весьма миловидная женщина с распущенными длинными светлыми волосами, вся измазанная чем-то красным. У нее довольное выражение лица, как у удава, переваривающего кролика. Рядом с ней женщина в черной полумаске, как у Зорро, на ее обнаженное тело наброшен лишь темный плащ. Хотя лица не видно, по ее фигуре ясно, что она значительно моложе той, которая сидит в ванне.

«У них здесь маскарад сумасшедших?!»

Тут до меня доходит, что женщина принимает ванну с кровью! Если бы я не была астралом, меня точно стошнило бы! Над вампиршей, на высоте полутора метров, висит на канате металлический цилиндр с человеческий рост, из него тонкой струйкой вытекает кровь – прямо в ванну. Не понимаю, как это возможно, но мою астральную сущность пробрала дрожь: я знаю, что это за цилиндр, каково его предназначение. Это «железная дева», страшное изобретение инквизиции для пыток еретиков. Пытаемого помещали внутрь, он оказывался как бы в тесном футляре, изнутри усеянном металлическими шипами, и они впивались в тело жертвы. Но сейчас это изобретение использовалось для еще более ужасной цели – обескровливания находящейся там несчастной ради ублажения чудища в женском обличье!

Чудовище в кровавой ванне обратило жадный взор на вошедшую девушку, а та, потрясенная увиденным, еле стояла на ногах.

Горбун поклонился и что-то почтительно сказал, я разобрала только «Эржебет». Видимо, так зовут эту страшную женщину, предающуюся кровавым утехам. К вошедшей девушке, оцепеневшей от шока, подступили две женщины с уродливыми фигурами: одна невероятно толстая, другая настолько же тощая. Обе были одеты в темные платья, что на фоне стен делало их почти невидимыми. Прислужницы чудовища отработанными движениями – видимо, они делали это множество раз – быстро освободили девушку от одежды, так что когда та очнулась и вскрикнула, была уже полностью обнажена. Горбун схватил ее за волосы и, намотав их на руку, сильно дернул, заставив девушку упасть на колени. Она разрыдалась и, судя по интонациям, стала молить о милосердии. Через минуту девушка, в отчаянии рванувшись вперед, свалила с ног мучителя, и тот от неожиданности отпустил ее волосы. Ощувив свободу, девушка бросилась к выходу, но ей преградила путь к спасению женщина в маске и плаще. Размахивая факелом, обжигая им тело бедняжки, она стала оттес-

нять ее от двери. Вскоре несчастная забилась в руках горбуна, и он уже ее не выпустил, дотащил до дыбы. Заломив ей руки за спину и привязав веревкой ноги к массивному кольцу, укрепленному в полу, ее стали медленно поднимать. Тело девушки напряглось, вытянулось в струнку, так что обозначилась каждая мышца. Девушка завопила, крики и рыдания разрывали ей грудь. Если бы у меня была хоть малейшая возможность ей помочь, меня ничто не остановило бы. Но, увы, я была бессильна что-либо сделать.

Я в ужасе отвернулась и увидела, как дьявольские прислужницы опустили «железную деву», вышвырнули из нее безжизненное тело другой девушки, все в красных точках проколов, на которых запеклась кровь. Внутри «железной девы» видны были ужасные шипы, которые пронзают тело, как только пыточное приспособление захлопывается.

Превозмогая отвращение, я приблизилась к садистке в кровавой ванне и стала ее рассматривать. Издали она казалась значительно моложе, теперь я дала бы ей лет сорок. Холерное красивое тело, но лицо, которое заливала кровь, невозможно было рассмотреть. Вдруг за спиной раздался странный свист, и в следующее мгновение – ужасный крик. Обернувшись, я увидела, что женщина в черной маске сбросила с плеч плащ, вооружилась огромной плетью и хлещет ею девушку, подвешенную на дыбе, словно мало той выпало мучений. На спине мучительницы, под правой лопаткой, я заметила родимое пятно в виде полумесяца.

Подземелье наполнилось нечеловеческими криками жертвы. Не в силах смотреть на пытки, слышать жуткие вопли, я бросилась прочь, проклиная анкх, отправивший меня сюда наблюдать столь ужасные картины, от которых, наверное, у самого маркиза де Сада сдали бы нервы.

Выбравшись из подземелья, я понеслась по коридору, словно за мной гнались, избрав следующей жертвой садисток. Крики несчастной девушки становились все слабее.

Вижу серпантин ступенек винтовой лестницы, ведущей наверх, судя по всему, нахожусь внутри башни. Быстро поднимаюсь по ней, а ужасные сцены все стоят у меня перед глазами, крики жертв звучат в ушах. Игнорирую выходы на площадки, забираюсь все выше и выше. Останавливаюсь лишь на самом верху, под остроконечной гонтовой крышей.

Зачем я здесь? Не знаю, что дальше делать, но снова в подземелье ни за что не спущусь. Не знаю, сколько отведено мне здесь времени, так как обратный переход абсолютно не зависит от меня.

Выглядываю из бойницы: захватывает дух от высоты, словно нахожусь на верхних этажах многоэтажки, но это башня замка, расположенного на высоком скалистом холме, лишенном растительности. Вдали, на горизонте, видны множественные шапки зеленых гор, напоминающих Карпаты. Скорее всего, это они и есть и я в самом деле оказалась в средневековой Венгрии. Значительно ниже, на склоне холма, на котором стоит замок, вижу оборонительные укрепления: круглую приземистую надвратную башню, от которой в обе стороны отходят крепостные стены с мерлонами. Это барбакан, перед которым выкопан глубокий ров с переброшенным через него мостом, а дальше тянется желтая лента дороги, и, кажется, ведет она в никуда, так как поблизости не видно населенных пунктов. Все указывает на то, что замок, в котором я оказалась, представляет собой серьезную цитадель и ее владелец, точнее владелица, которая предстала передо мной в таком жутком виде в подземелье, занимает высокое положение. Это же надо пойти на такое – принимать ванны из человеческой крови! Решаю из башни никуда не уходить – неизвестно, с какими еще ужасами можно столкнуться в этом замке. Скорее бы вернуться в свое время, хотя и там мне не сладко, беглянке!

Временной переход в обратном направлении произошел так же неожиданно, как и сюда. Внезапно все вокруг закрутилось, возникло ощущение безумного полета то вверх, то вниз, что заставило меня зажмуриться. Переход всегда вызывал у меня болезненное состояние, как после длительного вращения в центрифуге. Уши заложило, в голове закружились звезды, к горлу подступила тошнота, так что я чуть не избавилась от ужина. Сделав неверо-

ятное усилие над собой, я несколько раз сглотнула, не открывая глаз, так как знала, что в противном случае еще несколько минут буду видеть перед собой круговерть.

Открыв глаза, с радостью убеждаюсь, что я у Соломии. Почему вдруг анкх отправил меня в столь жуткое место? Зачем я стала свидетельницей ужасных развлечений средневековой дамы по имени Эржебет и ее поделницы в черной маске? Почему та была в маске? Боялась, что будет узнана? Кем? Девушками, обреченными на мучительную смерть, или доверенными слугами, участвующими в пытках? Разве карнавальная маска, прикрывающая верхнюю часть лица, может обеспечить сохранность инкогнито? Ведь голос, фигура, походка, характерные движения могут выдать человека. Если она, будучи доверенной особой, присутствовала на игрищах любительницы кровавых ванн, то, вероятно, появлялась в замке не раз и без маски, и для слуг это «секрет Полишинеля». Впрочем, зачем мне ломать голову над ее тайнами, ведь теперь от нее остался лишь прах.

1.3

С трудом открываю глаза, вижу склонившуюся надо мной Соломию.

– Извини, Иванна, мне надо идти на работу. Завтрак найдешь в микроволновке, на обед что-нибудь придумаешь – бери в холодильнике что хочешь. Ключи от квартиры я положила на столе в гостиной, можешь прогуляться по городу до моего прихода. А вечером мы оторвемся по полной, я один классный ресторанчик знаю! Не будешь возражать, если я тебе кавалера с моей работы захвачу, чтобы ты не скучала? Он...

– Соломия, опустишь на землю! Ты забыла, что я тебе рассказала вечером? Меня ищут не только как беглянку из дурдома, но и как подозреваемую в убийстве! Моя фотография разошлась по всем милицеским участкам, а может, ее вчера и в теленовостях показали... Вчера я попросила, чтобы выключили телевизор, не из-за того, что разболелась голова.

Соломия посмотрела на наручные часы, вздохнула и присела на край кровати.

– Ты права. Владик, когда ты пошла спать, мне сказал, что он сразу понял: у тебя крупные неприятности и ты приехала сюда не на отдых.

Соломия, на что-то решившись, достала мобильный телефон и набрала номер. Я напряглась в ожидании: кому и зачем она звонит?

– Ванда, привет! Скажешь шефине, что я себя очень плохо чувствую, схожу в поликлинику, буду на работе после обеда. Все, пока, спешу!

Соломия повернулась ко мне и требовательно произнесла:

– Расскажи более подробно, что с тобой произошло и почему на тебя могут повесить убийство. Не упускай ни одной мелочи.

– Можно я хоть умоюсь?

– Давай, водные процедуры тебе не повредят.

Через пятнадцать минут, в банном халате Соломии, посвежевшая после душа и с чашкой свежесваренного кофе в руке, я приготовилась рассказать свою историю.

«С чего начать? Наверное, со вчерашнего утра, когда монотонная повседневность моей больничной жизни внезапно была нарушена трагическими событиями». Воспоминания о злосчастном воскресенье нахлынули на меня.

* * *

В воскресенье врачебного обхода нет, в лучшем случае дежурный врач мельком и молча заглядывает в палату. Для меня это самый ненавистный день, так как время еще больше замедляется, накатывает жуткая тоска, не хочется ничего делать, кроме как бездумно валяться на кровати. В больничной библиотеке взяла почитать афоризмы Шопенгау-

эра, больше недели мучила книгу, но так и не дочитала. Лучше взяла бы ничего легкое, не слишком заумное, не требующее напрягать мозги, если они у меня еще способны напрягаться после приема такого количества лекарств. Уже из того, как тот день начался, можно было понять, что ничем хорошим он не закончится...

– А-а-а! – безумный крик током ударил по нервам.

«Неужели Люба?» – вспомнилось зловещее пророчество Магды. Сонливость и ослабленность мигом слетают с меня. Вскочив, вижу Валу, больную эпилепсией, катающуюся по полу, бьющуюся в судорогах, на губах у нее пена. Но никто не приходит к ней на помощь. Для этого места характерен паралич человеческих отношений.

– Позовите врача! – кричу я и бегу к Вале, хватаю с ее тумбочки деревянную ложку, падаю перед ней на колени, с трудом разжимаю скрежещущие зубы и вставляю в рот ложку.

Нужно поправить язык, чтобы он не запал в дыхательное горло, мне противно и страшно совать ей в рот свои пальцы. Припадочная колотит руками и ногами по полу, с трудом удерживаю у себя на коленях ее голову, чтобы она ее не ушибла. Остальные больные окружают нас, испытывая нездоровое любопытство, они лишь наблюдают за тем, как она бьется в судорогах, и за моими действиями. Наконец на помощь приходит медперсонал – Божена и Степан. Санитар припечатывает руки Вали к полу, а медсестра делает ей укол в бедро прямо через одежду. Валя успокаивается, затихает, ее глаза наполовину открыты, видны только белки, и это страшно.

Я встаю, мои руки обслюнявлены Валей, не терпится их вымыть, но я поворачиваюсь к Любе, безучастной к происшедшему, хотя ее кровать рядом с Валиной. Полная отрешенность во взгляде Любы пугает, и я, вместо того чтобы отругать ее за то, что она не помогла соседке, участливо спрашиваю:

– С тобой все в порядке?

– Нормально! – У нее явно заплетается язык.

Виджу, что ей совсем худо, непонятно только, почему она это скрывает.

– Что с тобой?

– Отвали! – Глаза Любы злобно блеснули.

Обычно она реагирует на все спокойно, впервые вижу ее столь агрессивной. Она немногим старше меня, находится здесь из-за попытки суицида после полугода бомжевания. Не сумев выплатить кредит банку, она потеряла квартиру, а вместе с ней и возлюбленного, из-за которого, собственно, и влезла в долги. Ее, как и меня, никто не навещает, не передает ей продуктовые передачи. Держится Люба замкнуто, отгородив от мира непроницаемой завесой свое «Я».

Во время завтрака в столовой появляется бледная притихшая Магда, пробывшая вчерашний день и ночь в изоляторе на «завязках». Получив в раздаточной порцию каши и чай, она идет между столиками в поисках свободного места. Я машу ей рукой, приглашаю за свой столик. Магда недоверчиво смотрит на меня: до сих пор я старалась как можно меньше с ней общаться, и наши отношения были если не враждебными, то весьма натянутыми. Подумав секунду, она принимает приглашение, садится напротив и выжидающе смотрит на меня. «Да, ты права: я не просто так позвала тебя».

– Классно, что тебя отпустили, не стали дольше держать в изоляторе.

– Божена – дура, но, слава Богу, не все здесь такие. Новая смена сразу освободила меня.

– У меня к тебе дело.

– Я об этом догадалась.

– Тебе цикля нужна?

– Что взамен надо?

– Пару минут поговорить по мобильному телефону.

– Хорошо, минута – цикля.

– Слишком круто. Цикля – две минуты разговора. Если нет, я найду, кого «колеса» заинтересуют.

– Ладно, договорились. Давай циклю!

– Дай уехал в Китай. Получишь после утреннего приема лекарств.

– А ты мобилку получишь, когда дашь циклю. Тебе известна взаимосвязь денег и стульев?

Ненавижу воскресенье – это день посещений и передач, а мне некого ждать. Больница находится в стороне от трассы, и, если нет собственного автотранспорта, посетителям приходится от села топать сюда пешком километра четыре, поэтому родственники навещают больных редко и такие посещения становятся праздничными событиями. Во время этих встреч некоторым больным под расписку родичей позволяют на время покинуть стены больницы. На их месте я бы ни за что не вернулась обратно. В большинстве же случаев встречи с родственниками проходят скоропалительно, в специальной комнате, и ограничиваются передачей продуктов и обменом несколькими общими фразами. Выхожу из палаты в коридор, к излюбленному окну.

– Иванна!

Оборачиваюсь – темноволосая медсестра Соня уже приняла смену и переделалась в коротенький белоснежный халатик, который не скрывает, что лифчик она не носит, у нее и без него груди крепкие и упругие. Ее лицо дышит свежестью и здоровьем, в карих глазах постоянно поблескивает искорка задора и юмора. Она резко отличается от других медсестер дружелюбием и уважительным отношением к больным, которые отвечают ей тем же. С недавних пор у нас с Соней сложились дружеские отношения, в основном благодаря журналистике.

Соня закончила медучилище и, поработав здесь с годик, пришла к выводу, что медицина – это не ее. Она поступила в педагогический институт на заочное отделение, где училась два года. Но учителем она себя также не видит и мечтает о журналистике. Узнав о моей прежней профессии, она прониклась ко мне глубокой симпатией. После ужина забирает меня в процедурную, и за чаем с вкуснятиной, которую она приносит из дому, мы ведем долгие беседы.

Странно, что она пришла, – ее смена завтра. Если бы я об этом знала, то не стала бы проводить переговоры с Магдой. Мобильный телефон Соня дала бы мне без проблем. Вот только при ней говорить с Егором я не решилась бы.

– Наконец приняла! – Соня громко выдохнула, словно закончила тяжелую физическую работу. – Эта дура Божена в прошлый раз устроила мне приемку, так я ей сейчас показала, что тоже не лыком шита! – По выражению ее лица догадываюсь, что она хотела было добавить пару крепких словечек в адрес медсестры, но сдержалась.

– Молодец, Соня, с такими людьми иначе нельзя. С ними можно бороться только их методами. Поменяться на сегодня сменой чья была инициатива?

– Моя. Договорилась в газете, что во вторник принесу статью, поэтому рассчитываю на твою помощь ночью. Ты как?

– Без проблем и с удовольствием.

– Пошли в столовую, угощу хорошим кофе. – Соня вытаскивает из кармана халата пачку молотого бразильского кофе и дает мне вдохнуть его аромат, просто одурманивающий.

Мне вспоминается сладковато-ядовитый запах джунглей, поход с Мануэлем через тропические дебри, наша ночевка у ревущих порогов и то, что я тогда была в него немного влюблена. А сейчас я его ненавижу!

Столовая пуста, я присаживаюсь за столик, а Соня идет в кухню за чайником и заодно приносит полную тарелку печенья. Заливаем молотый кофе в чашках кипятком, и, пока он настаивается, Соня рассказывает, как идет работа над задуманной ею статьей. После про-

шлой смены Соня вечерами работала над ней, рассчитывает, что ее напечатают в районной газете. Она уверена, что на этот раз не ошиблась в выборе жизненного пути, и не сомневается, что в недалеком будущем начнет работать на новом поприще – в журналистике.

– Иванна, ты молодец, что подкинула идею написать об истории здания больницы. Я нашла массу интересного и чувствую, что вытяну даже на целую серию статей.

– Да ты что! – Пробую кофе: крупинки еще не полностью осели, но аромат напитка завораживает, и я пью, делая нетерпеливые мелкие глоточки.

Соня достает из сумочки несколько листочков бумаги.

– Интересно не само здание, а род Лянцкоронских, его прежних владельцев. Оказывается, каменецкий староста, граф Предслав Лянцкоронский, стал первым казачьим гетманом на Украине. Он сумел из разрозненных казачьих отрядов создать целостную воинскую структуру.

– А как же «Песня про Байду», где говорится о Дмитрие Вишневецком? Вроде его считают основателем Войска Запорожского?

– Именно Предслав Лянцкоронский получил добро польского короля Сигизмунда на создание казачьего войска для охраны южных границ Речи Посполитой, по обе стороны Днепра. Первоначально оно было малочисленным, чуть больше двух тысяч казаков. Последующие гетманы прославились не только воинскими походами, они вносили свою лепту в создание Войска Запорожского, но так оно стало называться позднее. – Соня заметно разгорячилась, ее глаза засверкали, словно она сделала важное историческое открытие. – Так, гетман Ефстафий Дашкевич разделил казаков на сотни и полки, структуру казацкого войска выстроил по примеру древнеримских легионов. Историки до сих спорят, кого считать первым гетманом: Лянцкоронского или Дашкевича. Гетман Евстафий Рожинский учредил двадцать полков, в две тысячи казаков каждый, и дал им имена городов, из них Киевский был первым. Полки он разделил на сотни, которые тоже носили имена городов и местечек; во всяком полку определил быть полковникам и сотникам, которые, будучи выбраны казачьим «товариществом», оставались до конца жизни в своих чинах. А Дмитрий Вишневецкий за свое кратковременное гетманство особенно ничем себя не проявил и вскоре с частью казаков ушел служить царю Ивану Грозному, пока тот окончательно не спятил после смерти жены Анастасии, уверенный в том, что ее отравили. Вот тогда Вишневецкий вернулся и построил казачью крепость на Хортице, а гетманом в то время был Венцеслав Хмельницкий.

– Похоже, ты здорово подседа на историю казачества, – вклинилась я в повествование. – По-моему, эта тема уже столько раз освещалась в прессе, что, пожалуй, даже приелась читателю.

– Да ты что, Иванна! – возмутилась Соня. – Разве может однозначно освещаться то, что полно загадок и противоречивых суждений? Взять хотя бы гетмана Венцеслава Хмельницкого. Был ли он предком знаменитого гетмана Богдана Хмельницкого или только однофамильцем? А знаменитый Байда-Вишневецкий из школьных учебников? На самом деле история его жизни не совсем такая. Когда он был уже настолько стар, что от слабости не мог ни садиться на коня, ни даже ходить, молдавские бояре предложили ему стать их правителем. Но это оказалось обманом: Байда-Вишневецкий был схвачен и отправлен в Константинополь. Там по приказу султана Сулеймана I после жестоких пыток его казнили – подвесили за ребро на крюке, и он провисел несколько дней. Стойкость, с какой он держался, поразила турок, как и его умение хулить их веру. Есть версия, что у него вырезали сердце и съели, чтобы получить часть его мужества.

– Фи! – скривилась я. – Неужели турки были каннибалами? Кстати, Сулейман I, муж Роксоланы, был очень просвещенным правителем, хотя и жестоким.

– В те времена он не мог быть другим.

Решаю сменить тему разговора на более мне интересную:

– Сегодня дежурным врачом заступает Мартин Леонидович?

– Нет, с ним поменялся Феликс Маркович.

– Бр-р! Сегодня узнала, что Маркович занимается вскрытием трупов и что больничный морг теперь очень популярен.

– С больничным моргом, точнее часовней, где он располагается, связана жуткая мистическая история. Если с первой статьей все получится, то эта история станет темой для следующей.

– Что за история?

Дверь в столовую открылась, и внутрь заглянул санитар Богдан. Он старше Сони, у него довольно смазливое лицо, переодень его в платье, и от женщины не отличишь. И характер у него непредсказуемый. За ним закрепилось прозвище Богдана, которое его ужасно злит. Закончив медучилище, он долгое время работал в областной больнице медбратом, но в чем-то сильно провинился, так что ему пришлось вернуться в свое село, находящееся поблизости. В психиатрическую больницу он смог устроиться только санитаром. Увидев нас беседующими, Богдан осуждающе покачал головой и вошел.

– Вот ты где, а я уже обыскался! – Он улыбается Соне, а на меня устремляет холодный рыбий взгляд. Так смотрят на ненужную вещь перед тем, как выбросить ее на помойку.

– Иди в палату! – приказывает он.

Вот так подхвачусь и побегу выполнять его повеление! Демонстративно делаю маленький глоточек кофе и ставлю на стол чашку, в которой осталась почти одна гуща. Показываю всем своим видом, что не намерена прерывать кофепитие.

– Тебе не ясно?! – Богдан повышает голос, в котором столько льда и злости, что мне становится не по себе. Еще недавно я считала его более приятным санитаром, чем другие.

– Чего ты командуешь?! – Соня приходит мне на помощь.

– Спокойно, Соня. Главврач не любит, когда у медперсонала завязываются приятельские отношения с больными. Вечером делай что хочешь, но по-тихому. Смотри, а то Божена и Степан настучат на тебя главному! Они еще здесь.

Богдан неровно дышит к Соне, а та с юмором относится к его ухаживаниям. Если она когда-нибудь поинтересуется моим мнением, я отвечу однозначно: он тебе не пара, а его «сладкая» внешность настораживает.

– Чего бы мне бояться? Увольнения? – задиристо говорит Соня. – Может, я сама в скором времени отсюда уволюсь!

– Даже когда уволишься, много не говори, а то можешь оказаться ее соседкой по палате. – Богдан указывает на меня и тут же изображает на лице лучезарную улыбку. – Это дружеский совет.

– Пхе! – презрительно фыркает Соня.

– Пора выдавать лекарства больным. Мы идем или будем ждать, пока нам напомнит об этом дежурный врач?

– Ну ты и зануда, Богдана! Даже кофе не дашь нормально попить.

Я увидела, как у санитара дернулось лицо, когда он услышал ненавистное прозвище, но он сдержался. Соня часто над ним подшучивает, и только ей он это позволяет.

– Мое дело сторона, Соня. Тебе решать, но дежурный может нагрянуть с минуты на минуту. Думаю, в мужском отделении выдача лекарств уже заканчивается.

– Хорошо, идем. – Соня живо встала и направилась вместе с санитаром к выходу.

Я убрала со стола, вышла в коридор и направилась к процедурному кабинету, где уже выстроилась очередь.

Соня и Богдан работают в четыре руки: она делает инъекции, он выдает лекарства. Я без особого труда утаила от санитара циклодол, спрятав его под язык, но большую таблетку галоперидола пришлось проглотить. Ничего хорошего мне это не сулит, одна надежда на

то, что буду находиться здесь недолго. Решая, кому позвонить, Марте или Егору, я произвела обмен с Магдой. Получив вожделенный мобильный телефон, старенький «Эриксон» с затертыми клавишами, я решила связаться с Мартой, выяснить обстановку, а в следующий раз позвонить Егору.

– Иванна, ты?! – радостно вскрикнула Марта, сразу узнав меня. – Где ты находишься? Ты вернулась?

– К сожалению, нет. У меня мало времени, поэтому слушай!

Я сообщила ей о местонахождении психушки и попросила навестить меня в ближайшие выходные.

– Как там Егор? Женился? – поинтересовалась с замирающим сердцем.

– Не знаю, вроде нет. Как-то он звонил мне, но я наговорила ему кучу грубостей. Ведь при нем тебя забрала психиатрическая бригада, и он ничего не сделал, чтобы тебя вытащить. Вот павиан в штанах, не ожидала от него такого!

– Он был бессилен мне помочь, подробности расскажу при встрече. Позвони ему и предложи навестить меня вместе с тобой. Хотя нет, не звони Егору...

– Так звонить ему или нет?

В этот момент Магда выхватила у меня мобильный и оборвала разговор.

– Твое время закончилось! – злобно прошипела она.

– Дай еще хоть минуту поговорить! – умоляю ее, еле сдерживаясь, чтобы силой не выхватить мобилку. – Я тебе вечером циклю отдам.

– Когда дашь, тогда и будешь говорить! Захочу – вообще не дам!

Ее мобильный зазвонил; взглянув на номер, она не ответила, потом отключила телефон. Я поняла, что звонила Марта. Внутри у меня все кипело, я еле сдерживала себя, чтобы не впасть в истерику или не наброситься на Магду. С трудом я заставила себя молча лечь на кровать, повернувшись к Магде спиной. Про себя я стала считать баранов с лицом Магды. Я давно усвоила: проявление агрессивности здесь ни к чему хорошему не приводит, разве что отправят в смотровую на «завязки» и накачают нейрелептиками. И тогда приезд Марты окажется бессмысленным: под предлогом того, что у меня обострение болезни, могут отказать в свидании. Не страшно, что я не договорила с Мартой, после отбоя позвоню ей с мобильного Сони.

Слышу, как за спиной обеспокоенно сопит Магда, ожидающая, что я стану ее умолять дать позвонить, и тогда она поднимет плату. Продолжаю мысленно считать: «46, 47, 48...» Счет и в самом деле помогает успокоиться, и я рада, что сдержалась и не наделала глупостей.

Вроде ничего особенного не произошло, разве что передала весточку Марте, а настроение поднялось и головная боль ушла, в теле ощущаю прежнюю легкость. Будет здорово, если подруга все же свяжется с Егором и они приедут вместе. Хотя нет, не надо. Я не в том виде, чтобы показываться Егору на глаза. Лучше мы встретимся, когда я покину больницу и почищу перышки. Физически ощущаю, как давят больничные стены, нестерпимо хочется уйти отсюда, хоть на время. Но сегодня воскресенье, нет ни прогулок, ни работ в саду.

В палату вошла Люба, бросилось в глаза, что она какая-то странная, держится за грудь. Быстро подхожу к ней. У нее землистый цвет лица, и она тяжело дышит, словно не может отдышаться после тяжелой физической работы. На лице выступили капельки пота, похоже, ей нездоровится.

– Что с тобой? Плохо себя чувствуешь?

– Отстань от меня! У меня все в порядке!

– Люба, я хочу тебе помочь. Давай пойдем вместе к дежурному врачу.

– Что ты ко мне пристала?! Я уже была у Марковича, приняла таблетку.

– Я вижу, что тебе плохо, и...

– Пошла вон! И не подходи ко мне – это и будет твоей помощью!

Люба разнервничалась, затряслась, кровь прилила к ее лицу, кажется, что еще мгновение – и она бросится на меня. Молча выхожу в коридор. Пусть успокоится, позже найду возможность с ней переговорить.

– Иванна! Ты мне нужна, пошли со мной!

Соня на время тихого часа забрала меня в ординаторскую, чтобы я могла в спокойной обстановке отредактировать ее статью. С первых фраз понимаю, что Соне еще предстоит научиться правильно излагать мысли, сделать речь живой, а не канцелярской. Количество правок ввергает ее в уныние, и я стараюсь подбодрить ее. Мы пьем кофе, я, закончив редактирование, устраиваю «разбор полетов», который превращается в лекцию по азам журналистики. Как хорошо и спокойно на душе, словно я уже покинула стены психушки и больше не завишу от чужой воли! Может, сейчас набрать Марту по мобильному Сони?

Широко распахивается дверь ординаторской, и влетает Богдан. От брошенного им ненавистного взгляда я вздрагиваю, появляется ощущение, что он сейчас набросится на меня. Похоже, вскоре для всех санитаров я стану «красной тряпкой», вызывающей ярость.

– Развлекаешься?! – раздраженно бросает он Соне. – Подружку нашла?

– Чего тебе, Богдана? – приготовилась отражать атаку Соня. – Осы покусали?

– Мне что! У тебя проблема – Коценко из второй палаты окочурилась!

– Не может быть! – Соня бледнеет.

– Люба?! – У меня перехватывает дыхание. Неужели ужасное пророчество Магды сбылось? Почему я не сказала Соне, что Любе плохо?

– Вызывай дежурного врача: сейчас начнется кутерьма! – зло произносит Богдан.

– Я должна убедиться! Может, у нее только обморок или еще что, а ты тут...

– Иди смотри! Ты думаешь, я жмуриков в своей жизни не видел?

Этот тон и поведение для Богдана не характерны. Неужели он близко к сердцу принял смерть больной? Или боится нагоняя от главврача? Странно, наверное, все же причина в чем-то другом. Впрочем, зачем мне над этим сушить мозги, когда произошла трагедия – Люба умерла! Соня выскакивает из ординаторской, я следом за ней. «Люба, Люба, что с тобой случилось?»

В палате никто не спит, все столпились вокруг кровати, на которой на спине, с полуоткрытым ртом и застывшими мертвыми глазами лежит Люба. На ее груди рубашка разодрана почти до пупка, видны белые груди с непропорционально большими сосками. Соня попробовала нащупать пульс на шее Любы, затем стала прослушивать сердце – безрезультатно.

– Как это произошло? – почему-то шепотом спросила Соня.

– Минут пять тому назад она вдруг закричала страшным голосом, всех переполошив, затем, перевернувшись на спину, стала жадно глотать воздух, словно задыхалась, – стала рассказывать Кристина. – Я выбежала из палаты, чтобы позвать вас, увидела санитаря. Когда он подошел к ней, она уже затихла. Санитар попробовал сделать искусственное дыхание, затем несколько раз ударил ее по груди, а меня заставлял дышать ей в рот. Увидев, что ничего не помогает, санитар ушел из палаты, а затем пришли вы. – Под конец рассказа у Кристины задрожал голос. – Это произошло так быстро и неожиданно!

В палату энергичным шагом вошел дежурный врач Феликс Маркович с медсестрой из мужского отделения и Богданом. В руке санитар держал металлический чемоданчик.

– Катя, подготовь внутрисердечную инъекцию: адреналин один миллиграмм с вазопрессином сорок единиц! Соня, за тобой вентиляция легких! Богдан, готовь дефибриллятор и подключи ЭКГ!

Медсестра Катя, набрав лекарства шприцем с длинной тонкой иглой, быстро ввела ее вертикально в межреберье, слева от грудины. Я видела, как, освобождаясь от лекарств, шприц наполнялся кровью. Мне стало дурно, и я отвернулась.

Послышался длинный зуммер – ЭКГ проинформировал, что сердце Любы не бьется.

Слезы душили меня. «В этом есть и моя вина! Почему я промолчала, не сообщила, что ей плохо?» За спиной слышались команды Феликса Марковича:

– Разряд двести пятьдесят джоулей!

Непрерывающийся сигнал зуммера ЭКГ говорил о том, что дела Любы совсем плохи.

– Разряд триста джоулей! Разряд триста шестьдесят джоулей!

Мне хотелось надеяться на лучшее, но, судя по всему, шансы на жизнь у Любы исчерпались. Я обернулась и увидела, как Феликс Маркович светит фонариком-карандашом в распахнутые глаза Любы, затем он посмотрел на свои наручные часы.

– Проведенной реанимацией не удалось восстановить дыхание и сердечную деятельность, вывести больную Коценко из состояния клинической смерти. Смерть зафиксирована в шестнадцать часов двадцать шесть минут! Катя, запиши это в журнал. – Феликс Маркович повернулся к Соне. – Жду от тебя и санитаров объяснительные по обстоятельствам смерти больной – где вы находились и какие меры принимали. На первый взгляд это некроз сердечной мышцы, но требуется вскрытие. Сейчас свяжусь с главврачом, узнаю, кому и когда он поручит это делать. Скорее всего, придется мне. Соня, сможешь мне ассистировать?

– Если можно... – Соня вздрогнула. – Лучше не надо.

– Хорошо, Катя мне поможет.

Медсестра из мужского отделения согласно кивнула и бросила пренебрежительный взгляд на Соню.

– Я сейчас пришлю санитаров, чтобы они переправили тело в морг. До окончания тихого часа еще сорок минут, так что пусть больные займут свои койки. – Врач быстрым шагом вышел из палаты, а Соня дрожащими руками накрыла простыней тело Любы.

Невыносимо было смотреть на страшное в своей неподвижности мертвое тело Любы. Ведь она молодая женщина, вроде ничем не болела, по крайней мере выглядела здоровой, находилась тут в связи с попыткой суицида и вдруг умерла. Отказало сердце?

Санитары загнали каталку-«луноход» в палату и небрежно погрузили на нее Любу. Их лица ничего не выражали, словно им это было не в диковинку. У Богдана был флегматичный вид, никаких эмоций на лице. Чего же он так нервничал перед этим?

Я отыскала взглядом Магду, та, как ни в чем не бывало, сидела на кровати. Подошла к ней и негромко, но жестко спросила:

– Откуда ты знала, что Люба умрет? Только не рассказывай сказки про чертей.

– Что вижу, то говорю, ничего не выдумываю. Если увижу на тебе тень смерти, обязательно скажу.

– А я вижу, что ты что-то знаешь. Сколько тебе надо циклей, чтобы ты рассказала правду?

– И чтобы тень смерти коснулась меня? Отвали, я спать хочу. – Магда легла на койку, повернувшись ко мне спиной.

Я тоже легла, но так, чтобы держать ее в поле зрения.

Я ничего не знала о Магде, впрочем, как и о многих других больных. Здесь никто не рассказывал о себе, словно все дали подписку о неразглашении. В больнице порядки сродни тюремным. Неужели так во всех подобных учреждениях или эта больница особенная? Магда уже находилась здесь, когда я сюда поступила, только была в другой палате. Люба поступила уже при мне, пробыла тут меньше месяца. Магда и Люба практически не общались, но не из-за неприязни. Это обычное дело, здесь у каждого больного самый главный собеседник – он сам!

Мне вспомнилось, что вскоре после моего поступления в больницу в соседней палате умерла больная, казалось, тоже без особых на то причин, судя по разговорам больных. Как раз в палате, где в то время находилась Магда.

«Все могут короли!» – голос Пугачевой, бесцеремонно прервав мои размышления, сообщил об окончании тихого часа.

Вскакиваю, подхожу к Магде, которая продолжает лежать, и трясую ее за плечо.

– В пятой палате, когда ты там находилась, ведь тоже умерла больная!

Магда приподнимается, сбрасывает мою руку и блаженно улыбается.

– Ее звали Наташа.

– И ей ты нагадала смерть?

– Я ее предупредила, как и Любу.

– Как ты это объяснишь?

– Духи прежних хозяев замка забирают их жизни. Они делают обход своих владений, и у чьего изголовья они останавливаются, те на следующий день умирают, – зловеще пророчествует Магда. – Вскоре они начнут поиски новой жертвы.

От слов безумной Магды у меня по спине пробежал холодок.

– Ты хочешь сказать, что видела здесь привидения?

– И не один раз. Они сотканы из зеленоватого тумана, но, когда находят себе поживу, их окрас меняется на красный.

– Ты предрекла смерть Любе во время послеобеденного сна, а привидения днем не видны, – пытаюсь поймать ее на противоречии.

– Это вы их не видите, а я вижу их всегда. Вот оно стоит за тобой, прислушивается, примеряется к тебе, Иванна. – Магда изображает жуткую гримасу, которая и отдаленно не напоминает улыбку.

Мне становится не по себе, и я непроизвольно оборачиваюсь. Понятно, что никого и ничего нет, как и следовало ожидать. Пытаюсь себя убедить, что ее предвидения – лишь совпадение, но не получается.

Хочется побеседовать о Магде с Соней, но понимаю, что ей сейчас не до меня. Слух о том, что случилось, уже облетел все палаты, и больные наэлектризованы. Возвращаюсь к окну в коридоре и погружаюсь в транс, бездумно наблюдая за природой.

Направляясь на ужин, в коридоре вижу идущую мне навстречу встревоженную и бледную Соню. Несмотря на ее озабоченный и печальный вид, останавливаю ее.

– Уже известно, от чего умерла Люба?

– Приходил Павел Петрович, сделал вскрытие, мне пришлось ему помогать, так приказал главврач. Люба умерла от инфаркта миокарда, как и предполагал Феликс Маркович.

– Люба никогда не жаловалась на сердце, была здорова на вид, и только сегодня было заметно, что ей нездоровится. Она утром обращалась к дежурному врачу, он что, не смог определить, насколько серьезно ее недомогание?

Тут я обращаю внимание на то, что Соня меня не слушает, а думает о чем-то своем.

– Теперь ближайшую неделю мне будет сниться эвисцерация по методу Шора, хотя я не очень впечатлительная. – Тут Соня мне подмигивает, не меняя печальной маски на лице. – Хочешь, расскажу, как она проходит?

– Только от одного названия меня передергивает.

Даже мороз по спине прошел после того, как она сообщила, что участвовала во вскрытии тела несчастной Любы. Как это ужасно – видеть человека живым, а потом копаться в его внутренностях... Бр-р! Понятно, почему у Сони такой отрешенный вид.

– Да, тебе досталось... Чего же это Катю из мужского отделения не привлекли, она ведь была не против?

– По-моему, главврач неспроста вызвал именно Павла Петровича для вскрытия. Это уже третья смерть за последние три месяца при схожих обстоятельствах. Первая была в мужском отделении, еще две – в женском. Первые два вскрытия делал Феликс Маркович.

– Даже так!.. Я хотела бы с тобой поговорить на эту тему.

– Сейчас я занята, давай встретимся ближе к отбою. Я зайду за тобой в палату.

– Хорошо, до встречи.

Во время ужина Соня едва заметным кивком дала понять, что ждет меня, и вышла из столовой. Не став допивать чай, я поспешила вслед за ней в ординаторскую. Соня заварила кофе в двух кружках, накрыв их блюдцами, и стала готовить бутерброды – намазала белый хлеб маслом, прикрыв сверху тонкими ломтиками сыра. Видно было, что она успокоилась, – выглядела прежней оптимисткой.

– Я уверена, что смерть Любы, как и предыдущие, – не случайность, а хорошо спланированные убийства! – заявляю ей с порога.

– У тебя есть факты? – Соня спокойно продолжает заниматься бутербродами. – Павел Петрович – очень опытный врач, и у него другое мнение. Я специально полазила по медицинским справочникам и теперь не сомневаюсь: картина клинической смерти подтверждает его патологоанатомическое заключение.

– Он, возможно, и опытный врач, но, думаю, есть нюансы, о которых может знать только профессиональный патологоанатом. Что, если передозировка каких-то сильнодействующих сердечных лекарств вызвала смерть Любы? Магда в обоих последних случаях заранее предрекла смерть, видимо, она что-то знает, но боится об этом сказать.

– Ты считаешь, что это умышленные убийства? – Соня, закончив делать бутерброды, тут же продегустировала один и сделала приглашающий жест рукой.

Несмотря на постоянное чувство голода из-за рациона больничной столовой, я не спешила последовать ее примеру – мне не давали покоя подозрения, что происходящие здесь смерти спланированы, срежиссированы заранее.

– Да, именно так! Ты можешь достать историю болезни Магды? Очень подозрительны эти ее зловещие предсказания, которые сбываются.

– Я слышала об этих предсказаниях. – Соня улыбнулась, достала из стола папку и протянула мне. – Поэтому уже полюбопытствовала. Ее история болезни – настоящий детектив. Возьми почитай.

Раскрыв пухлую папку, я жадно начала читать. Ровный, почти каллиграфический почерк, написано черными чернилами, в углу – фотография Магды. На ней она выглядит значительно старше, у нее злобное выражение лица, ехидно поджатые тонкие губы. Для детального ознакомления с историей болезни потребовался бы не один час, поэтому я бегло просмотрела то, что привлекло внимание. Магде Черноус сорок два года, она работала лаборанткой на хлебозаводе, расположенном в районном центре. Причиной ее госпитализации стало проявление агрессии на фоне психотической формы сумеречного расстройства сознания с последующей амнезией. Во время приступа она нанесла серьезные ножевые ранения сожителю, он чудом выжил. Ее сомнамбулизм стал следствием психического заболевания. У нее периодически возникают слуховые и зрительные галлюцинации, она их считает пророчествами, которые ей подсказывают духи. С одной стороны, явная сумасшедшая, с другой – ведь она реально предсказала смерть Любы!

Начинаю строить версию:

– Магда работала в химической лаборатории, у нее были приступы агрессии, она даже пыталась убить сожителя. Возможно, она одержима манией убийства. Теперь действует более осмотрительно, сменила нож на яд, может быть, какой-то известный ей химический препарат. Вывод: она сама претворяет в жизнь свои пророчества. В ее голове звучат голоса, а галлюцинации она принимает за духов. И не только пророчествует, но и выполняет их указания. Внезапная смерть Любы уж слишком подозрительна.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.